

СМЕНА

11

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото И. Гольдберга.

Умеренно

Снова лето то друзь жит
с на - ми и про - вадит ве - че - ра у края да - то - го как знаем, па - о.
- нер - ско - го кост - ра над по - ри - ли - нал где са - ми о - зв - ил - ов
но - бо - своя ма - шут то - ли ве - ви - ми, про - во - ви - лот нас в по -
хол. ма - шут то - ли ве - ви - ми, про - во - ви - лот нас в по - хол.

mf

В поход.

ПИОНЕРСКАЯ ЛАГЕРНАЯ

Слова СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВА.
Музыка БОРИСА МОРОУСОВА.

Снова лето дружит с нами
и приводит к нам
улыбку, нам знамя,
пионерского костра. | 2 раза

Над полями, над лесами
озарился набосок.
Машут тополя ветвями,
приводят нас в поход.

Мы, туристы, мы, юннаты,
вместе с птицами встаем
и поднимаем волнистые
по лесной тропе ѹдем. | 2 раза

Пусть погода — непогода,—
будем мы альпир, шагать,
чтоб богатую природу,
словно книгу, прочитать. | 2 раза

Будет солнце звенеть лучами
или дондик моросить,—
с рюкзаками за плечами
нас несёт в оставшиеся.

Мы решим задачи,
стать надежными, как сталь.
И стараться так, учиться,
чтоб окончить на медаль. | 2 раза

Счастливое детство.
Фото А. Моллайдова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 11. 1953 год.

Год
издания
30-й

ВОЖАТЫЙ

Сад этот молодой, совсем ещё «зелёный»...

Крохотные яблонки и вишнёвые деревья только-только начали обрасти шумной, тенистой кроной, но в малюсинах уже глохнут гудки шлемов, пахнет нагретым солдатским листом, вялой землёй.

Пришло же осенью, и комсомольцы-сталисты учебного «полка», на которых стала осуществляться семейный гербозор: заложены питомниками с дубками, вязами и лиственными яблонками. В ландшафты разместились все породы деревьев, какие только встречаются в южных природных краях, а рядом с «земляничками» — берёзой и елью — заселены и гости издалёка: маньчжурский орех, канадский клён, шелковица...

Главная прелесть сада в том, что всё здесь сделано руками школьников. Три года назад директор школы № 36 Автозаводского района Сергей Иванович Прокопьев привёл комсомольцев из участков и каждого дал по лопате...

Работали дружно. Рядом с комсомольцами заселились пионерские звёзды. Ребята не хотели отставать от своих старших товарищей и песней прогонали устава листа...

Михаил Енютин, отличник учёбы и один из лучших футболистов юношеской команды «Горпедо», вместе с пионерами поливал цветы и пел песни. На прощание он пообещал потренировать ребят на футбольном поле...

Однажды вечером, когда не только деревья, но и самое здание школы стало едва различимо в темноте, к Енютину, отдающему на ступеньках школьного крыльца, подошла Алла Владимировна Енютина, преподавательница литературы и классного руководителяница 5-го класса «Д».

— Как успеши? — спросила учительница; она знала Енютина уже много лет и всегда внимательно следила за его школьными и спортивными делами. — Опять торпедовцы заняли первое место в городе?

— Да...

— А ты не хотела бы взяться ещё за одно интересное дело? — спросила Алла Владимировна. — Поработать вожатым...

Михаил задумался. Он любил возиться с ребятниками на школьной спортивной площадке: нравились ему смешливые юноши-пионеры из «Юннатов», через время же становившиеся просто бесполезны. Стать вожатым — значит направить эту энергию по правильному, нужному пути, научить ребят воспринимать только лучшее, что есть у народа, воспитать их честными, смелыми личностями, достойными в будущем встать в ряды ВЛКСМ.

— Я согласен, — сказал наконец Михаил и добавил: — Если, конечно, не будет возражения комитета комсомола...

Так для комсомольца Енютина началась новая, интересная жизнь. Осенью, в начале следующего учебного года, Михаил привёл вожатым отряда в 6-й класс «Д», в класс, где руководительницей Алла Владимировна Хвощева.

...

Прозвенел последний звонок. Уроки окончились. Ребята, откинув крючки парт, собирали тетради и учебники. Только Миша Будеев сидел над тетрадью неподвижно. Сейчас обильная па геометрии новый материал, и Будеев много не понимал.

— Борис, — обратился Будеев к одному из товарищей, — объясни, пожалуйста: как решать эту задачу?

Борис Донцов повёл плечом:

— Потом как-нибудь... Я очень спешу...

Никто из ребят не заметил, что посреди класса стоит смуглый, худощавый парень с комсомольским значком на куртке и внимательно смотрит на Будеева.

— Что тебе объяснить? — спросил новый вожатый пионерского отряда.

Он подошёл к Будееву, заглянул через его плечо в тетрадь. Многие из шестиклассиков, занятых заниманиями, снова сели на парты.

— Тебя как зовут? — спросил вожатый.

— Михаил...

— Так вот, Миша... — Вожатый взял мел,

сделал чертёж на доске и написал условие: — Давно... Требуется доказать...

Прошло более часа, и Алла Владимировна, удивлённая тем, что в классе кто-то всё ещё занимается, заглянула в дверь. У доски с трикотажом и мелом в руках стоял Михаил Енютин. Ребята сидели, не шелохнувшись.

Ты правильные начнёшь в отряде свою работу, — сказала Алла Владимировна, когда все ушли и она возвратилась в Енютинский остаток класса. — У нас много отсталыхников. На совете пионерского отряда надо подумать, кто из них сможет помочь отсталым и по каким предметам. Кстати, тебе самому не трудно брать такую нагрузку? Ведь ты всё-таки в девятом классе...

— Не трудно. Думаю, у меня хватит времени.

Выйдя из школы, Михаил направился на дом к Борису Донцову. С мальчиком предстояла большая и серьёзная разговор. За недолгое время своей работы в отряде Енютин успел многое услышать о Донцове, занятогося им.

— Равнодушный! — говорили о нём педагоги.

— Золотая серёдка! — с неодобрением сказали о Борисе старшая пионервожатая Раиса Крючкова. — Правда, есть у него и хорошие качества: точность, верность своему слову... Сожалению, не часто он его даёт, способ пионерское слово; держит ся как-то в стороне...

Михаил присматривался к Донцову и с каждым разом всё больше убеждался, что есть в нём что-то хорошее, таится до поры, до времени скрытые добрые силы, надо только суметь к ним найти ключи.

Он вошёл в дом, обычный для солдата-инженера: окраинный, небольшой отрядной из кустарников. Дверь открыла сама Борис и, извинившись, привлекла вожатого войти. Отсюда работала на автозаводе, квартира у них была большая, чистая, светлая; в шкафах и на столе громоздились труды книг и журналов.

«Для занятий все удобства», — отметила про себя Михаил, — даже отдельная комната есть...»

Он подумал о себе, о своей жизни. Его успехи в школе и на спортивных площадках не были успехами, блещущими в глазах своей лёгкости.

Они приходили по закону природы, в упорную борьбу, все эти почёты, грамоты, эта отменная учеба и — сначала досуги, затем юношеские разряды по футболу, хоккею, лёгкой атлетике, первые места в городе по барьерному бегу и прыжкам в длину...

Отец его, самурайка, только в последние годы стал систематизировать свой образование и многому научился от сына. Однажды полуслучайно-полусерьёзно он, почти уже старик, сказал:

— Вот кончины десятилетку, вместе пойдём в институт...

Видимо, от отца унаследовал Михаил немногимуму тягу к знаниям, счастливую способность учиться всем и везде, в любых условиях. А здесь у Донцова, всё в руках и мозгах, он ничего не знает.

— Как же так? — спросила он у Бориса. — Ты не читаешь эти книги?

Мальчик наигнанно улыбнулся:

— Нет... Вот журналы я люблю смотреть...

Он развернула один из многокрасочных иллюстрированных журналов, лежавших на столе, начал листать его. Михаил на-

Фото А. Моклева.

Скоро здесь будет много зелени и тени.

калонился вместе с ним, рассматривая фотографии, reproduced с картины.

— У тебя нет портрета Гайдара? — спросил он Бориса.

— Есть. Зачем тебе?

— Ведь наш отряд носит имя Гайдара. Давай сделаем монтаж: иллюстрации к книгам, портрет Аркадия Петровича, заголовок нарисуем и даты...

Борис оживился:

— Здорово! Это можно!

Он быстро нашёл большой лист бумаги, принёс кисти, ножницы — работа запланирована.

Михаил с интересом наблюдал, как Донцов умело и быстро набрасывал заголовок, затем стал нарисовывать его коронданными красками. Вскоре Михаил и сам увлёкся, рисал, касался. За работой они не раз поспорили. Куда девались скромность и разинувшиеся Бориса? Он громко смеялся, рассказывая о себе. К вечеру Михаила и Борис расстались друзьями.

На другой день весь отряд любовался красивым монтажем, который был вымешен в классе. Гриша Гаховский, классный организатор, подошёл к Борису и сказал:

— Сегодня Будеев ушёл с уроком без уважительных причин. Я о нём стихами написал. Ты не возмущайся сделать к стихам рисунки?

Донцов густо покраснел. Ещё недавно он сам пропускал уроки и его поведение обсуждали на общих сборах, а сегодня Донцов просил помочь классному организатору, совету отряда...

— Аладь, — нарываясь, медленно поднимал голову склонившийся Борис.

И когда спустя некоторое время пионеры избрали Бориса звёздным, а затем членом совета дружин, покатый отряд Михаила Епифань не удивился этому. Так и должно было быть.

Снова весна распустила зелёные приушки на деревьях в школьном саду. Выросли яблоньки. Подросли пионеры отряда имени Гайдара. Многие из ребят впервые в эту весну приползли на грудь значки с надписью «ВЛКСМ».

Позади остались и шумные лыжные походы, и пионерские сборы, линейки... Позади осталась зима с хоккеем, когда весь отряд ходил «болеть» за своего вожатого, капитана хоккейной команды «Торпедо»... А также интересные были читательские конференции в школе. Особенно запомнилась пионерская конференция по теме вдохновения великого пролетарского поэта Владимира Маяковского. Гриша Гаховский слёзая разబрал поэмы «Ленин», «Валерий Конюшков» прочёл «Стихи о советском паспорте». Игорь Букалов на время оставил ворота школьного футбольного поля, чтобы не отстать от товарища; он тоже готовил художественное чтение.

Долго потом вспоминали в классе этот день. Михаилу он запомнился особенно: одни из его пионеров, мальчишливый Женя Штурман, впервые выступил на конференции и охотнее согласился принять участие в подготовке следующей. Михаил учёлся, что работа отряда — это прежде всего работа с каждым из ребят в отдельности.

Многие из 6-го «Д» скоро сами станут вожатыми в младших классах, а Михаил Епифань, несомненно на то, что в этом году он держит акцию «Спасибо, мама!» зрелости, в отряде бывает поклоненчко часто.

Не всегда в отряде дела идут гладко. Нередко Михаил обращается за помощью и советом в комитет комсомола, к Алле Владимировне. За двадцать восемь лет своей педагогической деятельности Алла Владимировна прекрасно изучила работу пионерской организации годами, а не душой она старше своих воспитанников. Ходулаева, в сером костюме с орденскими плавниками, с живым, темнобронзовым лицом в рамке вьющихся серебряных волос, она всегда бодра, весела, всегда окружена ребятниками, внимательно слушает их, бедует с ними.

Лучших спортсменов школы районом ВЛКСМ наградил почётными грамотами.

Сейчас начнётся игра.

— Мой первый помощник, — говорит она, кладя руку на плечо Михаила, — наш пионерский вожак...

Знаёт Алла Владимировна и мечту своего маленького помощника. Михаил готовится к поступлению в педагогический институт, хочет избрать свою профессию — наездником, но благодарный и радованный труд советского учителя. Для этого у него есть всё: страстное желание, настойчивость, воля, а советская Родина открыла перед ним все пути — достигай, добивайся! И многое пригодится в жизни Михаила из советов учителей Аллы Владимировны Хвоцьской, директора школы Сергея Ивановича Прохорова и других педагогов: многое подскажет ему и собственный опыт...

...Поз бор бараван и пение горнов, при развернутых флагах пионерских знамён в Горьковском дворце культуры имени В. И. Ленина собрались линии делегатов от многочисленных районов города, и всё равно огромные залы не могут вместить всех жаждущих.

Вот чинно стоят сурововины; ждут очередь сдать в гардероб фуражки. В глазах ребят от красных лампиков, нацифченных пуговиц и румяных лиц. Пионерки, с белыми бантиками в косах, похожими на огромных бабочек, с любопытством смотрят в их сторону.

Быт, зажав в руках награждённые алые треугольнички гластруков, в первые ряды кресел проходят будущие юные пионеры. Сегодня они перед лицом своих старших товарищей дают торжественное обещание твёрдо стоять за дело Ленина — Сталина, за победу коммунизма, жить и учиться так, чтобы стать достойными гражданами Советской Социалистической Родины.

Звучат слова команда, и весь зал единодушно кричит: «Слава коммунизму! Слава Родине!»

Получая из рук секретаря обкома ВЛКСМ почётную грамоту, Михаил ещё раз подумал о той великой ответственности, которая лежит на вожаком. Первый помощник учителя, проводник бессмертных идей Коммунистической партии среди детей — зожакти! Рядом с твоим сердцем бьются десятки иных отважных сердец, рядом с тобой растут, закаляются будущие Коневы, Матросовы, Диковы и Чижикры... Будь им всегда примером, первым другом, советчиком...

Прорывая его мысли, над рядами, где плачут, вспыхивает свет: пионер, звенит девичий голос:

— К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!

И вместе со всеми, за себя, за всех пионеров отряда и за тех, кто не попал на слёт, Михаил отвечает:

— Всегда готовы!

Маргарита АГАШИНА

В новом доме

Это было так недавно — летом.
Бегала Алёнка босиком.
Целый день тогда на месте этом
Экскаватор землю рыл ковшом.

И ёщё запомнилось Алёнке,
Как на это место, грохоча,
Дружно подвозили пятачники
Огненные горы кирпича.

Осень подходила постепенно,
Листопад над городом вился.
Дома недостроенного стены
Кутили строители в леса.

Шёл ноябрь. И ветрено, и сиро.
Шёл февраль. Метелица мела.
А в апреле в новую квартиру,
В новый дом Алёнка перешла.

Болики сняла она у входа,
Обошла в квартире все углы,
Покрутила кран водопровода
И рукой потрогала полы!

Бережно поставлена в сторонку
Новая кроватка у окна.
Потому, наверное, Алёнка
Спать легла задолго до темна!

Под окном вспорхнула птичья стая.
Кот на подоконнике сидит.
А Алёнка всё не засыпает,
Всё ёщё во все глаза глядит!

Поднялась с подушки воровато
И к окну подвинулась чуть-чуть...
Под окном рокочет экскаватор,
Не дайт Алёнушке уснуть!

Ковш тяжёлый вздрогивает звонко,
Поворачивается с трудом...
Девочки, таким же, как Алёнка,
Начиняют строить новый дом.

Снова вются солнечные стружки,
Снова стены каменки кладут...
Сти, Алёнка! Здесь твои подружки
Новоселье спрашут через год.

Сти, Алёнка! Пусть тебе приснится
Что-нибудь хорошее!

Бесне...

Шустрые, взлохмаченные птицы,
Спать ложася, замолкли у окна.

В небе, по-вечернему лиловом,
Чья-то песня вольно разлилась,
Нашей стройкой, нашим вечно новым,
Вечно юным городом гордясь.

г. Сталинград.

М. ЧАЧКО

ПРОЗРАЧНЫЙ КЛЮЧ

Рассказ

В шестом классе шёл пионерский сбор. Облокотившись на парту, Таня Курносова, смуглаясь, черноглазая девочка, пристально смотрела на портрет Лю Ху-Лана, о подвигах которой рассказывала вожатая. Таня сидела неподвижно, и только поднятые от волнения брови чуть вздрагивали.

Даже мыслиению не сразу охватила бесконечные пространства, лежащие между деревней Красный Яр в излучине Дона и столицей Китая. Таня смотрела на портрет полей голицы провинции Шаньси. Трудно представить себе, как выглядят гористая фанзия с бумагами оконами, текучий дворик с кустом олеандра посередине. Но образ далёкой отраженной сверстницы рисовался Тане так ясно, точно она знала её давно, встречалась с нею много-много раз.

— Таня, ты знаешь, — скользила вожатая, — почему китайский народ свято чтит память Лю Ху-Лана...

За распахнутыми окнами школы сиял солнечный майский день. Но пора цветения уже миновала, и воздух был горяч и сух. Сызно было, как в поле кричали грачи.

— Давайте, ребята, устроим в пионерской комнате уголок китайской герояни! — неожиданно раздался чей-то громкий возглас.

Школьники принялись оживленно обсуждать это предложение.

— Я попрошу у отца свирель для угла, — сказал Витя Парамонов.

В прошлом году отец Вити — знатный комбайнер Меркуловской МТС — несколько месяцев пробы в Китае, обучая крестьян водить советские комбайны. Когда Парамонов уезжал на Родину, ученики подарили ему старинный, украшенный национальным орнаментом музыкальный ин-

струмент чи, похожий на русскую свирель.

— А я могу привести рисунки пекинского художника, — предложила Люда Богданова.

Теребя концы красного галстука, она рассказала, что старшая сестра, учившаяся в Сталинградском педагогическом институте, встретилась на Международном фестивале молодёжи с художником из Пекина. Они познакомились и разговорились. Когда художнику не хватало слов, чтобы выразить свою мысль, он на листе бумаги делал набросок. И сразу же становилось понятно, что это наброски сестра и презервативы.

Влада Чудовская поспешила дать для угадки художественную выписку.

Только Таня Курносова молчала. Никак не могла придумать, что бы ей дать для угадки.

Вскоре пионерский сбор закончился, и ребята высыпали на улицу.

Таня прогулялась домой. Ей нужно было отнести матерям обед в поле, к самой Крымской балке, возле которой звено рыхляло между рядами молодого виноградника. Солнце стояло в зените, и пару было идти: путь не казался.

Бабушка купла куча-то упак. В комнате было душно, поэтому и пахло геранью. На этажерке глахо тикала будильник. Сквозь щели закрытых ставен проникали узкие лучи, и на чистом полу, на столов с голубой клеёнкой лежали светлые пятна.

Таня разудалась, поставила в кошельку две каштаки с обедом и отправилась в путь. Миновав присадебные сады, она пошла по широкой дороге, ведущей на станцию. То и дело — настремчу девочке или обгоняя её — проносились грузовики, поднимая тяжёлые облака пыли.

Пройдя километра два, Таня свернула на полевую дорожку. Идти по мягкой,

мало хоженой, едва притянутой тропе было легко, приятно, но солнце прикасало всё сильнее, и начинала уже мучить жажда. А где в степи напиться? Придётся терпеть, пока не доберёмся к матери, у которой присел краинки воды.

Чтобы сократить путь, Таня решила идти к родне на пляжик. Отбоял укусу камня, и тут же она видела услышала неизвестное журчание воды. Девочка остановилась и прислушалась. Нет слух не обманул её: где-то на дне балки извивалась речка. Таня, осторожно неся каштаны, стала спускаться вниз.

Из-под ноздреватой глыбы известника был ключ. Прозрачная струя воды пересекала из камня на камень, исчезая в снежек траве.

Таня опустилась на колени, припала к губами к прохладной воде. Потом, набирая в сложенные ковшиком ладони воду, увидела, что вода горячая. И тут же на горле указало, что прохожий может погибнуть к каштану», — подумала девочка.

Теперь и стало легче. Всё привлекало её внимание.

Широко распластав крылья, кружили, на одном месте на коршуну. Что увидел он своим зорким оком? Сулаки, привалившимся к земле, или русака, очумело несущегося по холму, заросшему ковылью?

Таня долго наблюдала за коршуном, ожидая, что, вот-вот, он к намине упадёт, из-за донца. Но коршун, покрутившись в воздухе, склонил голову в сторону. Приводя его глазами, девочка вдруг увидела видиму женшину, торопливо излучающую ей на встречу. Таня приблизила шагу.

— Мама! — радостно закричала она. — Всё благо как забыть!

Мать, худощавая, невысокого роста, в серой кофте с засученными рукавами и широкой тёмной юбке, взяла у Тани кошель и весело проговорила:

— Ты у меня, Танишка, вроде путешевственница, открывай новые места.

— Там мало кто ходят, — немножко сумтившись, сказала Таня. — А ключ, наверное, только недавно забыл.

Мать засмеялась:

— Да, ты первая открыла его.

Роща, к которой они подошли, была ещë молодая, но всё же от деревьев падала на землю тень.

Мать постелила свою старую, вымыщенную кофту и припала с дочерью поддничник. Рядом на траве расположились со своим завтраком две девушки из земли — Надя и Варя.

— Танюшка моя ключ в балке обнаружила, — сказала мать. — А мы с вами, ми-лие, проглядели.

— Вот здоровое! — обрадовалась Надя. — А велики ли ключи?

— Всюду — восхищённо прогнула Таня. — Вода прозрачная-прозрачная, без соринок.

Позавтракав, девушки прилагали отдыхнуть. Мать, склонив голову набок, о чём-то задумалась.

Тане пора было собираться домой, но уходить не хотелось. Ей надо было многое поделиться с матерью.

— У нас сегодня был очень интересный пионерский сбор... — началась она, и всё более воодушевляясь, стала рассказывать о славной китайской девочке Але...

Под этим синим южным небом отремонтировали фабрику, и заложили края буйволинских конных огурцов, о шантёрских подах, которые вёдь Ворошилов в Царицын, к Сталину, о героях Сталинграда...

И танина мать, и Надя, и Варя смыслили много поэтических былей о героях. И то, что поведала Таня, волновало, трогало сердце. Шёл ей рассказ в лад с теми легендами и песнями, с которыми они сжигали съязмалась.

...В далёком Китае девочка Ая помогала коммунистам бороться за освобождение севера. И это было всего двенадцать лет, когда она организовала пошивку зимней одежды для бойцов Народно-освободительной армии.

По ночам, таясь от коммандановских солдат, в каждой бедной фанзе женщи-

ны шили тёплые куртки, ушанки, рукачи для юношеских освободителей. Много славных дел совершила эта отважная девочка. Однажды неподалёку от своего селения Ая увидела лежавшего в кустах бойца. Он был ранен коммандановцами при перестрелке. Девочка перевезла раненого спасителю, его укромному месту, ухаживала и кормила. Две года Ая Ху-Лян выполняла опасные и ответственные поручения подпольного комитета коммунстической организации.

Однажды её поймали враги. «Назови имена коммунистов, и мы тебя выпустим», — требовали коммандановцы. Бесстрашная девочка молчала. Она стояла худенькая, блеска в изорванном платье, но страха не было в её глазах. «Мы казнить будем», — прорычали коммандановцы. Сестра девочки сбежалась обеими. Но всё же не выдала она своих товарищ товарищей. Когда стала ей очень трудно, вспомнила она русскую девушку Зою, на которую хотела походить, и тихо-тихо, про себя, запела песню. Этую песню распевали бойцы с красными звёздами на фуражках, когда проходили мимо селения...

Таня умолкла, задумалась. Молчали и слушавшие её Надя и Таня.

— А родных ей спасли?

— Всех! — сказала Таня, — это звалась Таня. — И мать, и отца, и дедушку. Живут они теперь на свободной земле.

Варя приставала, поглядела вдаль и замяукала произнесла:

— Как подумашь, что люди со всего света на нас так надеются, с нас пример берут в жизни, то хочется сделать что-то очень большое...

Прикрыты ладонью глаза, мать взглянула на небо, всталла, подоткнула подобаю и склонила голову.

Кажется, мышь мои, нам пора.

— Пора, пора! — повторила Варя и легко вскочила на ноги.

Поднялась и Надя. Напевая, они отправились на участок.

Таня несколько шагов прошла вместе с матерью. Опять вспомнилось, что нечего ей дать для уголка, который будет создан в пионерской комнате. И вдруг у неё мелькнула ставшая мысль. Он тронула мать за руку и робко спросила:

— Мама, а можно клочок называть именем Ая?

— Я думаю, можно, — улыбнулась мать...

...На другой день пионеры шестого класса посыпали на склонах балки, по дну которой бежал ручей, саженцы яблонь и черешни, а у обочины дороги воздушили большой указатель с надписью: «К клочку Ая».

И много проходил и проезжих людей в жаркие дни спускался к клочку напить сока. Все говорят, что вода его всегда чиста, прозрачна и очень приятна на вкус.

Младший сержант Е. Дмитриев и спасённый им немецкой мальчик Карл Хайнц Ромп. Фото Н. Хайдогина.

ПРИМЕР МУЖЕСТВА И БЛАГОРОДСТВА

В Берлине, в Трептов-парке, есть памятник советским воинам, павшим смертью храбрых в боях с гитлеровскими захватчиками — советский солдат держит на руках девочку. Этот монумент символизирует благородство воинов армии-освободительницы, жертвовавших в годы войны жизнь ради спасения человечества.

Чтобы охранять завоёванный мир, советские воины остались после войны в Германии и Австрии. Наши солдаты, сержанты и офицеры, находящиеся сейчас за рубежом родной страны, с достоинством и честью несут звание советского воина. Немцы, австрийцы видят в русских товарищах своих истинных друзей.

Это было в прошлом году. В один из пасмурных февральских дней младший сержант Егор Дмитриев, выполнив задание, возвращаясь в расположение части. Вдруг его внимание привлекли крики, раздававшиеся со стороны реки. Подойдя к толпе, собравшейся на берегу, сержант увидел в проруби ребёнка, которого течением затягивало под лёд.

В одно мгновение Дмитриев сбросил шинель, сапоги. Лёд трещал, ломался. Сделав несколько больших шагов, воин пригнулся в прорубь, Ледяная вода захвачила дыхание.

Ребёнок отнесло под лёд. Набрав побольше воздуха, Дмитриев нырнул, схватил его и выплыл в прорубь.

Держка мальчика левой рукой, Дмитриев попытался выбраться, но лёд проваливался. Тогда, чтобы приблизиться к берегу, Дмитриев сам начал ломать лёд. Держаться в воде было невероятно тяжело. Ребёнок тонул вниз, волосы и одежду покрылись ледяной коркой.

Почувствовав под ногами дно, сержант, шатаясь от усталости, взял ребёнка на руки и вынес его на берег.

Спасенному тут же была оказана медицинская помощь. Немцы, стоявшие на берегу, пожимали русскому товарищу руки, обнимали его, благодарили.

Весь благородном поступке советского воина облетела город. О нём писали газеты, говорили на предприятиях, в учреждениях, школах, семьях.

На другой день к советскому коменданту города пришла мать спасённого ребёнка и учительница. Они просили передать воину слова сердечной благодарности и восхищения его мужеством.

23 февраля, в день 34-й годовщины Советской Армии, состоялась встреча представителей общественности города с младшим сержантом Дмитриевым. Обер-бургомистр города, представители народных предприятий и Социалистической единой партии Германии в торжественной обстановке преподнесли воину благодарственный адрес и аккордеон.

В приветственном слове обер-бургомистр заявил:

— Дорогой товарищ, пусть подарок от благородного населения нашего города всегда напоминает тебе о великой дружбе советского и немецкого народа.

Младший сержант Дмитриев поблагодарил горожан и сказал:

— Я поступил так, как поступят бы каждый советский человек.

* * *

Одна немецкая газета недавно писала:

«Пятьдесят детей спасены от пожара благодаря помощи наших советских друзей.

Смелые действия советских воинов являются новым доказательством дружбы советского народа.

...В полночь, после обеда, в детском саду народной резиновой фабрики ребята уложили спать. Внезапно возник пожар. Пламя сразу охватило дом. Ветер раздувал огонь. Клубы дыма заволокли квартал. Опасность над детьми нависла с ужающей быстротой.

Подоблизости от детского сада находилась группа советских солдат под командой старшего лейтенанта Эдуарда Багирова. Заметив дым, воины бросились к пылающему дому.

Нельзя было медлить ни секунды. Офицер подал команду и первым冲进了火海。士兵们冲进火海，将孩子们从燃烧的建筑物中救出。他们冲进火海，将孩子们从燃烧的建筑物中救出。

Дым ел глаза, кружилась голова, одежда, казалось, вот-вот вспыхнет. Но воины мужественно боролись с огнем. Ими владела одна мысль — спасти детей.

Когда прибыла пожарная команда, все дети были уже вынесены из огня. По приказанию своего командира воины стали помогать пожарникам гасить огонь, спасать имущество детского сада.

Пожар был ликвидирован. Рабочие фабрики, воспитательницы, жители соседних домов горячо благодарили старшего лейтенанта Багирова, младшего сержанта Пушкарного, рядовых Полухина, Середу, Большакова и других воинов, не жалевших жизни для спасения детей.

Бургомистр города и секретарь районного комитета Социалистической единой партии Германии посетили советского коменданта и передали от имени горожан благодарность.

А через несколько дней старший лейтенант Багиров, младший сержант Пушкарный и другие были приглашены в гости к детям, которых они вынесли из огня.

Волнующей была эта встреча.

А. СЛОБОДЯНИК

Старший лейтенант З. Багиров среди детей, вынесенных из огня.

В первом классе.

Фото М. Озерского.

Юрий МЕЛЬНИКОВ *Встреча*

За стеной актового зала
Белая метацца мол...
Перед молодёжью выступала
Девушка из польского села.

Болновалась... Говорила
Громко,
Чтоб услышать люди все могли:
— В этот вечер
Мать мою,
Сестрёнку
Русские от гибели спасали.
В этот вечер...
И в одно мгновенье
Вспомнили я
на берегу кругом
Снегом занесённое селение
И фашистами подожжённый дом.
Я припомнила,
как, рванувшись в пламя,
Наш салер,
опередив меня,
Вынес опалёнными руками
Девочку босую из огня.
Вот она...
стоит перед друзьями,
Я смотрю в лицо и узнаю

В девушке со строгими глазами
Девочку, спасённую в бою.

Хорошо, что снова довелось
Повстречаться через много лет...
— Я в Москву, — рассказывала Зоя,—
Поступила в университет.

Не случайно в университете
Встретились мы с ней на торжестве:
Все дороги
к миру,

к счастью,
к свету
В наше время сходятся в Москве.

Лилия СТЕФАНОВА

На параде

На московских улицах плакаты,
песни, танцы...

После первых гроз
воздух, наполненный ароматом,
как во время сбора майских роз.

День такой весёлый, небывалый.
Улица — как шумная река...
Я иду с колонной
в майке алой,
на груди эмблема «Спартака».

Суетится кинооператор,
взглядом провожает до угла
молодость, идущую парадом,
солнцем озарённые тела,
транспаранты и цветы...

Под знамя
я пришла и встала на виду.
И теперь с московскими друзьями
в новый фильм участницей войды.

Я в Софии — в дни неволи горькой —
шла в кино смотреть такой парад,
хоть и знала, что за мною зорко
шпики полицейские следят.

И теперь, шаги равнья страже,
у Москвы, у мира на виду
я в колонне русской молодёжи,
девушка болгарская, иду!

Перевод с болгарского
Н. СТАРШИНОВ.

О детях и для детей

Сильва КАПУТИКЯН

Обновка

Кто купил в горошок ситцу?
Папа — вот кто.
Сшила что за мастерница!
Мама — вот кто.
Кто в обновку нарядится,
Чья дочурка, баловница?
Маша — вот кто.

Моя бабушка

Стала бабушка
Старой, хворой,
От ходьбы она
Устёб.
Храбрым лётчиком
Стану скоро я,
Посажу её
В самолёт.

Не трахну её,
Не качни её,
Отдохнёт она
Наконец.
Скажет бабушка:
— Ай да внучек мой,
Ай да лётчик мой,
Молодец!

Переведена с армянского
Т. СПЕНДИАРОВА.

Раскаризничался Шура,
Ничего не хочет есть.
У него температура.
Ровно тридцать семь и шесть.

Мама ложечку берёт,
Говорит:
— Открой-ка рот.
Мне вполне ясна картина:
У тебя опять ангинка.

Ты мороженое ел?
Шура густо покраснел.

— Отвчайся, — сказала мама. —
Посмотрим в глаза мне прямо!

— Нет, — отвела он тогда. —
Впрочем, может быть, и нет...

— А когда пошёл к Алеше,
Ты надел вчера галоши?

— Да, — захныкал он в ответ.
Впрочем, может быть, и нет...

И лежит в постели Шура,
Делает больше ничего:
Что ни час, то процедура,
Утром, днём и вечером.

Вот несёт ему в стакане
Рынаноль для полоскания.

Он стакана не берёт.
Зажимает крепко рот,
Заявляет, что ангинка
У него и так пройдёт.

Говорят, что полосканье —
Это просто наказание,
Говорят, что рынаноль
Увеличивает боль.

Мама стонет:
— Вот мученье!
Долго ли мне тебя просить?

Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Шура заболел

— Дайте мне тогда печенье,
Чтобы после закусить...

Тишина, как перед бурей.
Входят бабушка и мать.
Бывают часы — и, значит, Шуре
Стрептолизид пора принять.

У него в глазах обида.
У него несчастливый вид.
Он не хочет стрептолизид,
Он не любит стрептолизид.

Мама молчит:

— Ради бога,
Я валяусь буквально с ног!
Пожалуй меня немного,
Не капризничай, сынок!

Просит бабушка:

— Ну, детка,
Тут всего одна таблетка!
Проглоти же...

— Не хочу,
Ни за что не проглоту!

Тут приходят тётя Женя,
Дядя Миша и отец...

Шура сделал одолжение,
Согласился наконец.

Иван ВЕТЛУГИН

Отцы и дети

На траве-муравье, что растёт у крыльца,
развернулось строительство чудо-дворца.

Металлургам отсюда не слали заказ:
не железо, а дранка пошла на каркас.

Самосвалы сюда не везли бетон:
заменил его самый обычный картон.

Здесь начальник строительства не инженер.
Он ещё не справляется с буквой «р».

Он боится в душе: вдруг да строгая мать
раньше времени ужинать в дом позовёт,
а потом, как обычно, уложит в кровать
и тем самым строительный график сорвёт.

Это может случиться.
Но суть здесь в другом:
на траве-муравье, что растёт у крыльца,

мальчик строит сегодня, желая во всём
походить на тебя, на меня, на отца.

Он никак, наверное, стал бы играть,
если бы думали мы воевать!
г. Новосибирск.

Но опять его тревожат:
Поменять пора компресс.

От компресса Шура тоже
Отказалась наотрез.
— Как же я смогу дышать?
Он же будет мне мешать!

Не хочу! С меня довольно!
Я устал!.. Мне будет больно..
И, уткнув в подушку нос,
Шура давится от слёз.

С каждым днём ему всё лучше.
Но зато он всех замучил.
То с постели он встаёт,
Книги с полки достаёт.

То он требует к кровать
Краски, чтобы рисовать.

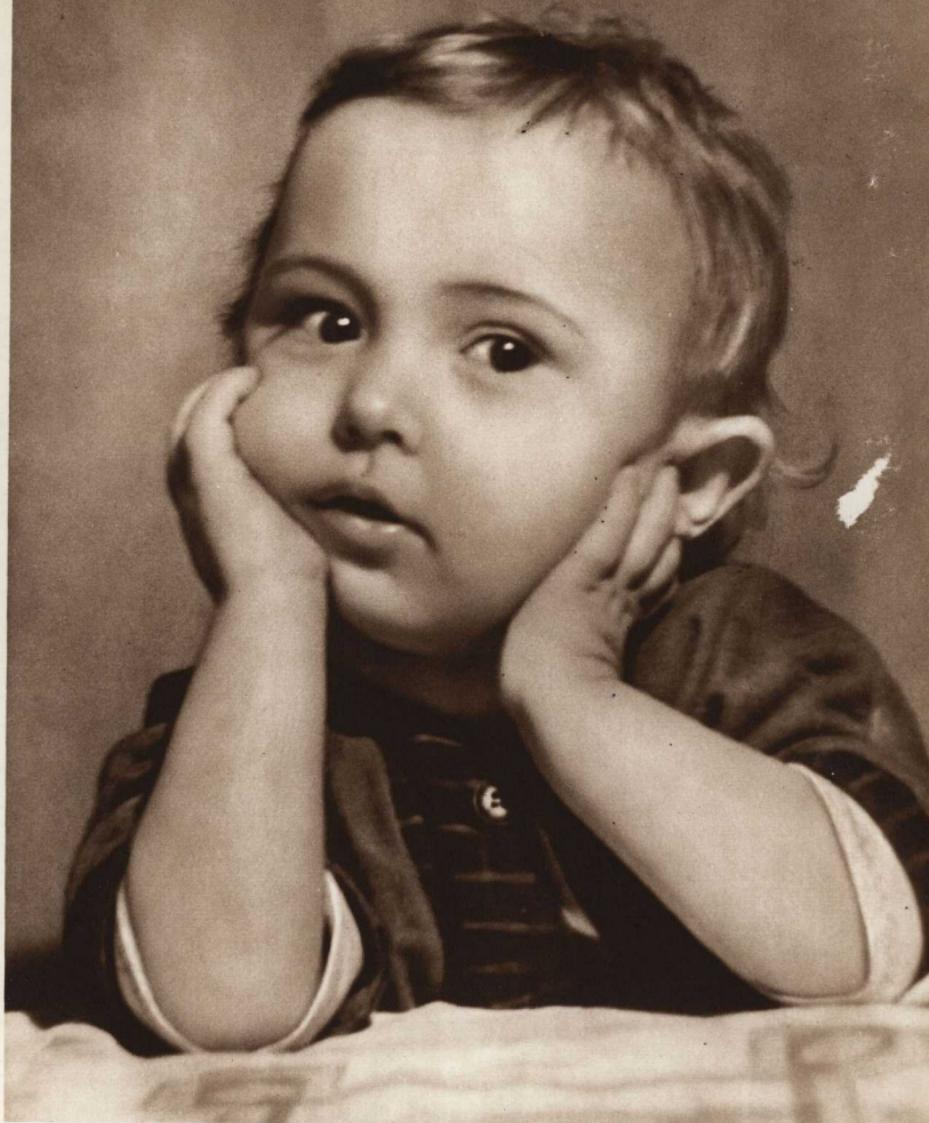
То кричит: — Пропал марка!
Неизвестно почему,
То ему вдруг слишком жарко,
То вдруг холодно ему...

Шура болен, — это значит,
Что уже на третий день
Папа стоит, мама плачет,
А у бабушки мигрен...

Безусловно, этот Шура —
Очень редкая фигура,
Но, по правде говоря,
Пишем мы о нём не зря.

Мы хотим напомнить Шуре,
И не Шуре одному —
Даже при температуре
Расpusкаться ни к кому:

Это ясно всем, и, право,
Споры здесь исключены...
Поступить должны мы здраво,
Даже если мы больны...

Задумался.

ФОТО Л. Иванова.

Нахимовец

ФОТО Н. ХАЛИПА.

ПАВЛИК МОРОЗОВ

Глава из повести

Про избу Василия Потупника недаром говорили, что она «ветром подбитая». Ветхие стены её накренились, тесовая крыша сгнила, и в неистовые дни на чердаке пронзительно визывал ветер.

В тот вечер ребятишки долго сидели на крылечке — потупниковской избы, беседовали с учительницей о прочитанной книге.

— А мне больше всего, Зоя Александровна, нравится, как Горкий про красное знамя пишет! — мечтательно говорила Мотя. — «Знамя разума, правды, свободы!»

— А ведь пионерский галстук частица красного знамени, ребята! — сказала учительница.

Павел покосился на Якова.

— Яшка, почему ты без галстука?

— Я... стараюсь мой галстук...

— Это ты вчера уже говорил, — строго заметила Павел.

— Яша, скажи лучше: забыл, — вмешалась учительница. — Нехорошо говорить неправду.

— Ну, конечно, забыл, Зоя Александровна.

— Пионер, я прёшь, — мрачно сказал Павел.

— Пашка, завтра нацену... Вот честного пионерского под салютом!

Учительница взяла его руку под локоть:

— Выше поднимай, Яша. Над головой надо.

— Зоя Александровна, а потому над головой? — спросил Федя.

Поэтому, что общественные интересы, интересы народа пионер ставит выше своих личных интересов — объясняла Зоя Александровна. — Что ж это Дымов не идёт так долго? Обещал нам текст для лозунгов дать. Я скажу в избушке, а вы посните, ребята.

Учительница ушла. Меж избыми, над тёмной линией леса, медленно бледнела заря. Где-то далеко-далеко звенела гармошка и слышались тонкие девичьи голоса.

— Ребята, — заговорил Яков, — а как это, значит, общественные интересы выше личных ставят?

— А так, всё отдать для общего дела...

Павел задумалась, чуть вздрогнула родника над правой бровью. Вот одни люди живут на свете и другим: сии рубахи ближе к телу, членам, членам, воли... Чтоб тебе хорошо было, грызут других, как волк!

— Как Кудрукнов, — тихонько шепнула Мотя.

Павел продолжал:

— А надо так жить, чтобы не одному тебе, а всем хорошо было.

— Вот правильно, — кинула головой Мотя.

— Подожди, Мотя, — остановила её Павел.

И для общего дела, ребята, настоящий большевик ничего не пожалеет. Настоящего большевика никто, ничто не испугает! Никакой враг! Вот в Дымова сколько раз стреляли, а он не боится.

Федя вздохнул.

— А я только грома боюсь. Вот какая туча идет...

— Давайте почтите что-нибудь, — предложил Павел.

— Тёпло же... — Мотя посмотрела на него.

— Пойдёмте в избу, ребята, я лампу зажму.

Шумные переговоры исчезли, все подились. Широкая полоса света упала в открытую дверь на крыльях и притянулась по двери.

Дымов учительницу и Потупчука вступили в эту полусвету и остановились.

— Люди у нас разные, Николай Николаевич, — говорил Потупчик, — есть и такие, что хотят в колхоз, да боятся.

— Ну что ж, Василий Иванович, и Москва не сразу строилась. Придет время — все пойдут в колхоз.

— Так вот так, Николай Николаевич, да хочется, чтобы поскорее! — Он вздохнул. — Я пойду скажу дядке, чтобы ужин собирали.

Дымов присел на порожек, заглянул в дверь.

— Зоя Александровна, посмотрите, какое там собрание!

Пионерский костёр.

Рисунок Б. Лебедева.

Лицо учительницы просветело.

— Пионерский акт! А вон, видите, чёрепеный, сын Морозова, Павлик.

— Знаю, знаю... И братишка его, Федя, кажется?

— Да, Федя. Смотрите, что там за борьба?

В избе нарастил шум. Гремел сам Потупчик: «Ну дам, не дам!» На крыльях показалась запыхавшаяся Мотя, отец пытался выбирать из её рук простыни. Смеющиеся выбыкли во двор.

— Ого, а дочка-то, пожалуй, посильнее отца! — поддимитна Дымов.

— Понимаешь, в избушке, говорят, скатерти на столе нет, — сердито пробасил Потупчик.

— Так вот отдаёй ей последнюю простынь.

Дымов переглянулся с учительницей и рассмеялся так заразительно, что следом за ним захихотали ребята и гулким смехом закатился Потупчик.

Дымов вынул платок и вытер глаза.

— Что за рыбка у вас, Зоя Александровна?

Потупчик — это та простино на место, Мотя! Мы вам из района скоро пришлём и скатерть, и занавески на окна, разные картины, и новые книги.

— Вот это да! — восторженно вырвалось у Павла.

— А «Чапаев» будет, Павлик! Свою книжку вам пришлю.

Павел спросил с надеждой:

— А вы Чапаева видели?

Ему очень хотелось, чтобы этот хороший человек знал Чапаева, геройских подвигов которого знали пионеры много рассказывала Зоя Александровна.

Чапаева не видел... А вот Фурманова хорошо знал. Вместе против беликов воевали — Дымов тронул прям на шеке. — Вот она, памятка о тех временах. — Он помочился и, обернувшись к учительнице, прибавил: — Заждались меня, ребята? Сейчас я вам текст для лозунгов дам.

Взрослые ушли в избу, а пионеры в ожидаании уселись на крыльце.

— Сейчас дядчик пойдёт, — тихонько сказал Федя, опасливо косясь на нахмурившееся небо.

Уже совсем стемнело, в окнах из закрытых окон виднелись очертания. Набежал ветер, пошевелил волосы ребята и сорвал стих.

С улицы донёсся сердитый женский крик: «Чапаев! Яшка!»

Яков слетел с крыльца, словно его толкнули в спину.

— Ой, ребята, пропал! Мать зовёт... Иду-у, маманька! — И он перемахнул через забор.

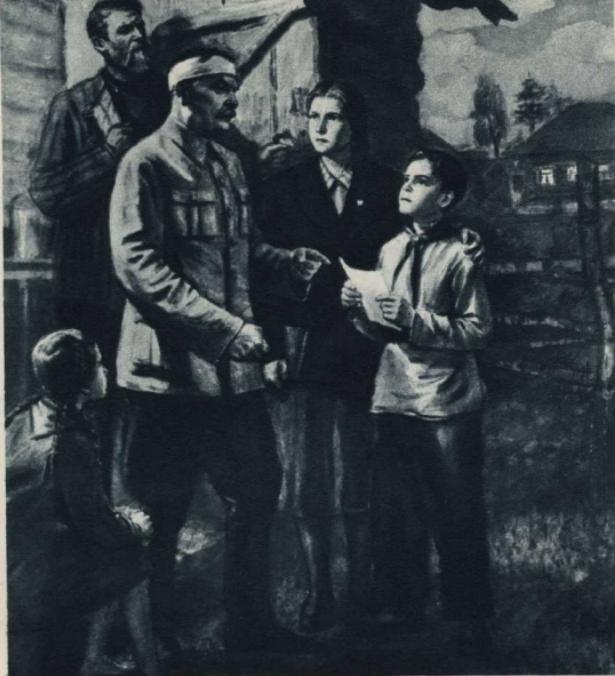
— И я побегу... — Клава поднялась. — Как бы и мне не досталось! Федя, идём!

Федя вопросительно взглянул на брата.

— Паша, пойдём?

— Иди, иди, братко. Я лозунги возьму у Дымова.

Скоро голоса ребятишек затихли вдалеке. Павел и Мотя сидели молча. Мотя долго смотрела на него, наконец прошептала:

А вы Чапаева видели?

— Паш.. Ты про что думашь?

— Да так... — неопределенно побёл он плечами.

— А я тоже люблю думать.. Про всё, про всё! Знаешь, когда хорошо думается? Когда спать ложишься... Правда? А тебе сны снятся?

— Снятся...

— Мне раз приснилось, что в Герасимовке дома стеклянные и электричество.

Павел с интересом взглянул на неё, убежденно сказал:

— Электричество на самом деле будет. Помнишь, Зоя Александровна говорила, что в каждую деревню электричество пронесут? Вот только колхоз спасибо надо.

— Девочек стеклянных не будет: побьют ссыпкой Мотя.

Вздохнув груко замутила тайга. Сильный порыв ветра висячию налетел на деревню. Острая молния вспыхнула и погасла, вдали искосно зародил тром.

На огороде, неистово захлебываясь, лаяла собака.

Удивлённая Мотя вскочила, придерживая на коленях трещущие пласти, и исчезла в темноте. Помыкалась ей тоңеный, уносимый ветром голосок: «Кусака! На, на! Кому говорю?»

Но сейчас, загромыхало.. Тяжело дышла девочка подбежала к крылью.

— По огородам кто-то прошёл, быстро так..

— Не хромает? — встремовение приподняла Павел.

— Да разве разберёшь в темноте? — покачала она плечами.

Павел кинулся к пласти, насторожённо прислушалась.

— Мотя! — вдруг позвал он.

Девочка послушно подошла и стала рядом.

— Чего, Паш?

— Как Зоя Александровна говорила про пионерский салют?

— Как? — Она помодчала, вспоминая.. Ну, что общественные интересы пионер ставят выше личных...

Он задумчиво повторил про себя:
— Общественные интересы выше личных...

* * *

Татьяна, кутаясь в шаль, сидела у окна и вглядывалась в темноту.

— И где его носит в такую непогоду?.. Федя!

— С Дымовым заговорился, — откликнулся Федя.

Скрипнула дверь, Татьяна быстро обернулась.. Но это был Кулаков.

— Где Трофим? — спросил он глухо, не здороваюсь.

— В сельсовете.

— Я подожду...

— Подождите, — пожала она плечами и вышла в соседнюю комнату.

Кулаков снял картуз, перекрестился и сел к столу, подперев ладонями голову. Долго просидел он так, вздрагивая всякий раз, когда с улицы доносились звуки чьих-нибудь шагов.

В избу почтой бежал захваченный Данила. Кулаков медленно поднялся, сказав ему:

— Дрянь дело!

— А чего?

— А того.. Не должно быть завтра собрания! Потому конец света! Понимаешь? Конец!

— Что супахаш?

— Прудишь надо такое, чтоб собрания не было завтра! Только с Трофимом теперь договориться, наверно: запугают!

— Захарикина арестовали, вот и боятся.

— Самим бы нам придумать что-нибудь.

Неслышино ступая, Кулаков подошёл к двери в соседнюю комнату, прикрыл её, как же тихо вернулся к Даниле и произнёс:

— Убить бы Дымова!

Данила молчал.

— Смышишь, Данила?

— Можно убить Арсений Игнатьевич.. — нерешительно сказала Данила.

— Сделай!, — Данилушка! — Кулаков скватали его за плечи, потягнул.. Сделай!

— Не-е.. — покачал Данила головой.. — Есть такой человек... С Кубани переселённый.

— Сегодня надо! Ведь одна ночь осталась! Ежели решит завтра собрание в колхозе жить, тогда подожду будет.

А человек этот здесь.. У нас на огороде. Ему всё никоем! Бежать он с Урала хочет. И наган у него есть. Ему бы только удостоверения от Трофима получить.. Обещал Трофим.. Он тогда сегодня же из района убётся.. Сделает всё шито-крыто, никто не дознается...

Кулаков снова потряс Данилу за плечо:

— Как он с Трофимом повидается, сразу же приведет его ко мне.. Где он сейчас, Дымов?

— У Потунички.

— Право через окно — и концы в воду!

А ночь как раз подходящая...

Вскоре после ухода Кулакова явился Трофим Морозов.

— Ты чего здесь сидишь? — коротко бросил он Даниле.

— Хромой здесь, — вместо ответа шепнула ему тот.

Трофим испуганно замахал руками, озираясь:

— Уйди, уйди ты бога ради со своим хромым!

— Да ведь ты сам обещал, дядя Трофим!

— Ни во-время пришёл...

— Ведь восемь тысяч, дядя Трофим!

Трофим не ответил. Молча сел на лавку, расстелил ворот. Ему вдруг стало душно.

Восемь тысяч.. Он отчаянно представил себе стопки хрюстящих бумажек.. Потёр ладонью вспотевшую щеку, рваным поднялся.

— Ты что? — Всёма детей и ступай к деду.

— Громъ вон какая!

— Сорвалася! Это крикнул Трофим.. — Дела у меня, мешают будет. Живо, одним духом!

Он снял потёр шею.

— Восемь тысяч.. Веди его, Давила, в избу, а я погляжу, нет ли у него на улице...

Татьяна отвела сонных ребятишек к деду и вернулась. Павел сидел за столом, торопливо ел хлеб, запивая молоком из большой кружки.

— Тебя что ж, хворостиной домой надо загонять? Идёшь к деду.

— Зачем?

— Отец велел. Идём скорей, а ты оскорбишь..

Павел не двинул, занятый своими мыслями. Потом вдруг спросил:

— Мамаша.. Кем хромой кулак из Чернушки пр琦дёт?

Мать растерянно прыгнула к себе сына.

— Папаша, сынок, не твой ты отца, не пустай в его долю.. Прябый он тебе!

Мальчик увидел перед собой бледное лицо матери, встремовавшее, усталые глаза, и ему вдруг до слёз стало жалко её.

— Да ты что горячий такой? Заболел? — встремовилась мать, присоединившись к его губам.

— Не знаю...

— Ох, горячо какое! — вздохнула Татьяна.. Ты уч.. не ходи никуда. Совсем промок! Раздевайся и ложись.

— Да я ничего, мамаша...

— Ложись, ложись.. — говорила она, поддавившая Павла на печку.. Спи, сынок. А я по тому приду, чай напою.

— А папашка?

— Ничего, ничего, ты спи.. Спи милый!..

Татьяна ушла. Павел закрыл глаза, потом снова открыл. Его звонило. Мысли в голове такие странные, наклонные, перепутанные, не помéшай, деда.. Да, что делать?

Мальчик сел с печи, надел длиннополую куртку, выпел на крыльло. Во дворе бесползал ветер. Монотонно шумел дождь. По временам, когда вспыхивала молния, было видно, как под ветром гнулся острые верхушки деревьев. Павел перебежкал двор и спиртался за сараем. Глаза привыкли к темноте, и теперь ему хорошо было видно крыльло.

Сначала с улицы прошёл отец, согнувшись и щёлкая по дужкам сапогами. «Опытный».. — подумал Павел. Он ждал хромого. Тот появился со стороны огорода так внезапно, что мальчик едва спрятал испуганный крик. Высокий незнакомец в дождевике, привязанные, меленые промытые мимо пританицкие гости, молчали и исчез в избе.

Павел поднялся. Что делать? Теперь это знобило нечестивое.. Он вбежал в сени, прислушался, притворил дверь. Ветер вырвал ей из рук и стукнулся о стену. В первой комнате было пусто. Приглушенные голоса доносились через полуоткрытую дверь, которая вела в

другую комнату. Наверно, отец и хромой там. Мальчик бешено взобрался на печь и забыл в углу.

Павел слышал, как отец, открыв шкафчик, достал бутылку, налил хромому и себе.

— За здоровье, Трофим Сергеевич!

На краешке застучали торопливые шаги. В избу вбежала Ксения.

— Таня!

— У-у... дьявол, напугалась! — вскрикнул отец. — Нету Тани... Чего тебе?

— Соли надо... Ксения открыла мокрую шаль... Не успела в кооператив сбегать.

— Не знаю, где у неё тут соль.

Она помолчала.

— А ты всё гуляем, Трофим! Со своими пид-шапами с чужими начальством?

— Так чужаки нету.

— Я видел, тебе все свои!

Ксения накинула шаль, круто повернулась и вышла из избы.

— Кто такая? — обеспокоенно спросил хромой.

— Соседка... Да ты не бойся: глупая баба...

Чокнувшись, вышли.

— А что там за дочь через дорогу виднеется?

— Не кулачковский!

— Его... — удивлённо сказал Трофим. — А ты откуда знаешь?

— Задиры просили. Есть одно белце весёлое... Вам племянник меня у Дулукова жалуется.

— Ты не очень тут расхаживай! Это тебе не Кубань!

— Эх, Кубань, Кубань! — вздохнул гость и, помедлив, спросил: — Так как же, Трофим Сергеевич?

— Чего?

— Насчёты удостоверения...

Трофим с минуту помолчал, потом проговорил тихо:

— Ты помни, мне это может жизни стоить...

— Так мы ж заплатим, Трофим Сергеевич!

— А меня за решётку посадят — и никаких разговоров!

Отец щёлкнул замком портфеля, полистал какие-то бумаги.

— Вот они, удостоверения, гляди... а тут я пропуск сделал... сами фамилии впиши, как хотите.

Наступило молчание. Должно быть, незнакомец считал деньги.

— Хорошие удостоверения, Трофим Сергеевич.

Отец негромко рассмеялся:

— С такими удостоверениями хоть в Москву езжай!

Незнакомец ответил не сразу, а когда заговорил, в его глуховатом голосе послышалась такая злоба, что Павел вздрогнул.

— Это мы знаем, куда ехать надо!

Снова наступило молчание. Отец заворачался на заскрипневшей скамье и спросил чуть удивлённо:

— И много там вас, в Чернушке... таких, как ты?

— Да нет... Есть и такие, что не пропьются по-советски жить. Из молодых... Колхоз свой устраивают будут... — Незнакомец задирал ёбки в грудь кулаком... Только это не для них, у кого огонь душу пеёт... Так как же, Трофим Сергеевич?

— Возьмём!

— Добре! — сказал незнакомец. — А вот и гроздь. Будь ласка, погуши.

Павел больше не звонило. Было жарко, и лицо горело так, словно он лежал в краине. Неожиданно для самого себя он скосился на печь и крикнул срывающимися голосом:

— Папанька!.. Что делаешь, папанька!

Мальчик видел, как метнулся в угол незнакомец в мокром дождевике. Отец испуганно пристал.

— Папанька?

— Что ты делаешь? — Павел громко всхлипал.

— Ну, ладно, ладно... — опомнился наконец Трофим.

— Чем торгуешь, папанька?.. Совесть у тебя где?

— Молчай!

— Но буду я молчать, папанька! Не буду, не буду молчать!

Трофим вскочил, уставился на сына помутневшими то ли от ярости, то ли от вина глазами.

— Я тебе покажу, как ты не будешь молчать!

Он бросился к сыну, одним ударом сшиб с ног.

Широко распахнулась дверь, в комнату вошли две женщины — мать и сестра. Трофим оглянулся и увидел Ксению. Следом за ней в избу вошли Дымов и Потулич.

— Брось сына мучить! — вскрикнула она, бросаясь к Павлу. — Зверь!

— Товарищ Дымов... — растерянно произнёс Трофим, всё ещё продолжая держать Павла за плечо.

— Отпустите малышика, Морозов! — сухо сказал Дымов.

— От него не слышится, товарищ Дымов...

— Не твой же голос, Трофим Морозов...

Ксения помогла Павлу подняться.

Это она рёв направила вами, товарищ Дымов, заплакавшимися от страха языкам заговорил Трофим. Лицо его побелело. — Всё по злобе, товарищ Дымов! Шинопонит приходила... Заговорничают они против меня, потому что я линию партии держу... Сына даже против меня настроили!

— Хоть на сына не врите, Трофим Сергеевич! — сердитым басом проговорил Потулич.

Дымов внимательно посмотрел на хромого.

— Не твой же документы, гражданка.

— По какому праву документы спрашиваются? Кто вы такие есть?

— Советские люди! — резко сказал Потулич. — Понятно? И хотим знать, кто тут среди нас пустяки.

— Нема у меня документов...

— Обыскать бы его надо, Николай Николаевич, — шепнула Ксения.

Хромой вдруг оттолкнул её и рванулся к двери. Дымов выхватил пистолет:

— Стоять!

Хромой остановился, тяжело дыша, криво усмехнулся:

— Нема у меня ничего...

Потулич быстрым движением засунул руку в карман его дождевика и вынул наган.

— А преграду игрушку забыл? Вот какое у нас горе, Николай Николаевич!

— Зачем вы пришли в Герасимовку? — спросил Дымов.

— Гроза загнала... Бачите, яка погода! — Он попытался к стене и незаметно бросил под лавку скомканые удостоверения.

— Неправда... — очень тихо сказал Павел. — Смотрите, вон он бросил... Товарищ Дымов, смотрите...

Трофим в ужасе затряс головой, крикнул:

— Всёт он виноват!

— Это удостоверения... папанька даёт за деньги высокопоставленным кулакам.

Трофим безнадёжно опустился на скамейку.

— Отца продадбъ, поганец!

Павел вдруг крикнул, захлебываясь от слёз:

— Это ты советскую власть продашь, папанька!

— Докатился, Трофим... — прошептала Ксения.

Павел сжался ещё что-то сказать, но не мог. Он весь дрожал. Дымов притянул к себе мальчика и обнял его. Павел притянул к его груди.

— Николай Николаевич... — шептал он, захлебываясь. — Николай Николаевич... я...

Дымов неловко и торопливо гладил его голову, по спине и тихо повторял:

— Успокойся, Павлик... Ну, не надо, мальчик... Ты ведь пионер!

А за окном шумела гроза, вспыхивали и гасли синеватые молнии и удары грома сыпались на деревню часто и глохно.

Не будь я молчать, папанька!

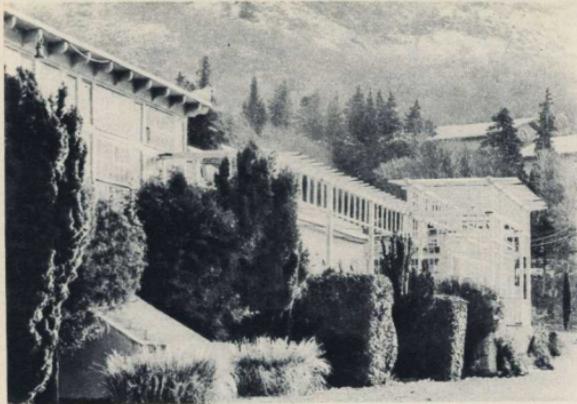

Фото В. Тюккеля

Артек

Между городом Аю-Даг и Гурзуфом находится одно из живописнейших мест южного побережья Крыма. Здесь среди пышной растительности советских субтропиков расположился самый большой и красивый пионерский лагерь нашей Родины — Артек.

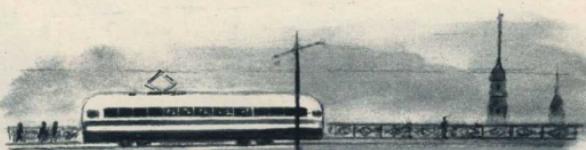
Ежегодно тысячи девочек и мальчиков из Литвы и Украины, Грузии и Белоруссии, из всех шестнадцати союзных республик приезжают сюда, чтобы хорошо отдохнуть и набраться сил. В лагерь приезжают также пионеры стран народной демократии и свободного Китая. Чувство пионерской дружбы связывает их.

Кто хоть раз побывал в Артеке, тот навсегда сохранит память об этом прекрасном лагере, тот никогда не забудет яркие пионерские костюмы, смехе дыхания моря и шум его волн, увлекательные прогулки, экскурсии и походы.

Родина создала все необходимое для того, чтобы отдых детей был здоровым, интересным, полезным. Для артековцев построены прекрасные светлые санатории; заботливо сделаны волейбольные, крокетные и городошные площадки; собрана полная интересных книг библиотека; создан даже свой «артековский флот», состоящий из шлюпок и катеров.

Солнечный Артек — яркое проявление отеческой заботы Коммунистической партии о детях страны социализма.

Александр ВОЛОДИН

К СЕНИЯ

Рассказ

Ксения Лаврова вышла трамвай на Кирровский мост. Гулко постукивая, вагон покатились по инерции.

В сумерках слабо светились фонари на узорчатых чугунных крестовинах. Хмурая Петропавловская крепость осталась позади. Чёрная линия набережной терялась в лёгком тумане, ставшем над Невой, и поэтому казалось, что крепость подымается прямо из воды.

Притормаживая, Ксения выехала на кривую Марсова пола.

На остановке в боковое зеркальце она увидела знакомую пассажирку в синем сприте.

В Атлетичном саду деревья покрылись зеленым пухом, со статуи были уже сняты укрытия. На улицах вновь появились юношеские избушки. А вон там, за старой ампой, фигура «Правосудие». Памятное место...

Длинным звонком Ксения спугнула воробышь, рядом сидевших на проводе.

У Абелижского с передней площадки вон то старушка с маленькой девочкой.

— Гляди-ка, — сказала она винуто, — мы вчера с тобой в этом же вагоне ехали.

— Не наблюдала ты, башника, — обернулась Ксения. — Всю зиму в моём вагоне сидели.

Вот и Невский. Самый трудный узел, самая большая посадка. Тут следи и следи. Вон тёти Маша, ревизор, время засекла. Пожалуйста, по графику, минута в минуту.

Садовая вся в отгнах.

Здесь напарница Нина Гусева однажды Ксению с трамваем ссыпалась. Дело было так. Сдала она Гусеву смену и речи не было про рабочее место. В салоне чисто почувствовать, помочь... как-никак, у Ксении больше опыта. И не зря поехала. Только за половину рейса Гусева раз двадцать зря включала контроллер, перед занятым прогоном держала вагоны под током, тормозила безобразно.

Ксения терпела, терпела, потому отстригала её легонько, поправила ручку крана быстро поставила на пятое положение и тут же вернула на четвёртое перекрывающее.

Гусева покраснела, остановила вагон и сказала тихо:

— Слезай, сама доеду. Слышишь?

Ксения сошла с трамвая.

Потом на общем собрании она прямо сказала:

— Может быть, Гусева когда-нибудь станет известной артисткой, станет, буде выступать, мы тогда ей все похлопаем. Но когда ты за контроллером сидишь, о своем драматическом забудь. У нас за экономике электроэнергии, как будильник графика — вот что аплодируют!

С тех пор уже прошло полгода. Гусева ездить стала поаккуратней. Но с Ксенией так и не разговаривает, не здоровается.

У Технологического девушка в синем берете со спалькой, пропоршилась с Ксенией. Они всегда только прощались, здороваться не приходилось.

Сотрудников набилось полно. Было слишком, как они спорят с кондуктором, сколько билетов брать на десять человек.

Проспект имени Стalina. Самый любимый участок пути. Просторный, прямой, а туда, к Московскому шоссе, и не застро-

енный ещё. Дома три — четыре проедешь — вот и весь перегород.

Каждая пешеходная дорожка издавна знакома злее Ксении. Первый её учебный маршрут. Стёблы в вагонах тогда ещё фанерой были забиты с войлоками...

На Благодатном, у колыча, ей уже дождались Гусева. Села за контроллер, поправила кудряшки и сказала, не глядя:

— Михаил прискал.

Ксения ничего не спросила, ничего не сказала. Прощаясь в вагон и села на детское место у окна.

— «Ведёл приди...» Что это такое — ведёл? Не мог он так сказать, это Нинка по-своему перевернула... Надоал ли хоть приехало? И ведь толком не скажет ничего, от предлога, чтобы ворота включает плавно, — отвечала Ксения. Выдернула на всех положениях дверь.

Полгода назад, когда вот так же сменила на Благодатном, Гусева привезла Ксению к себе: брат, моя, в отпуск приехал.

Родители у Гусевой оказались совсем старые. И гости были всё больше пожилые, наверно, родственники. Только возле Нинки два молодых человека кружились, как привязанные. Они их и за вином и на кухне посыпала и танцевала с обоями по очереди. С одним танцует, другой патефон наиграчивает.

Братом Михаилом, Ксению не очень понравился. Да и необычный, несладкий какой-то, всё через стол тянулся с гостями чокаться. При этом он задевал Ксению локтем, так что ей приходилось то и дело отпрыгивать.

Потом Михаил взял гитару, стала напягивать. Гитара kosten, даёт звон и запах тишины. Ксения вторым голосом подхватывала. Она вообще хорошая тут. Тут Михаил стал другие мелодии играть, и всё правильно, будто по нотам. Так они и пели, пока Нинка не помешала:

— Что-то мы расстались сегодня. Пора и потанцевать. — И снова, завела патефон.

Танцевать Ксению не стала и вскоре ушла. А Михаил пошёл её провожать.

Дорога до общежития длинная — через весь город.

Михаил много рассказывал о Петрозаводске, о своей работе инженера-столяра. Хороший, стал бы, человек, если свою работу любил. При Нинки спросил, как живётся.

Потом спросил Ксению, вспомнить ли это ночь, как сразу же оно овладевало то тревожное чувство радости и удивления, которое она испытывала тогда. Случилось так, что за нескользкими сотенами километров, совсем в другом городе, жил человек, до самых затяжённых, сердечных мелочей похожий на неё. Ту же самую, что и она, любила он музыку и тё же книги и почти то же самое думал о них. И мысли о жизни, о работе и даже детские воспоминания о Ленинграде — все то же самое, похожее.

Долго брали они тогда по улицам. Ксения с каким-то незнакомым, тревожным чувством открывала всё новые черты сходства. Она чувствовала: встреча с этим человеком не пройдёт бесследно.

Снать в ту ночь Ксению не пришлось с пятью часами она выехала в рейс.

С этих пор и начались их встречи. Они вместе ходили в кино, театр или просто гуляли по городу. Однажды Михаил замечтал, что она водит его по своему трамвайному маршруту. Что же, неплохие места, особенно в Атлетичном саду, где стоит скамейка возле фигуры «Правосудие».

С тех пор прошло уже немало времени, а Ксению то и дело

вспоминала случайное слово, короткий взгляд, язычок, которые, как ей казалось, имели какой-то скрытый смысл.

Провожала она его через месяц. На первое стояли родственники и потому прощались они только за руку...

«Надолго ли ты приехала?» — спрашивала Ксения. В одном письме он ей писал: «Скучно по Ленинграду. Вспоминаю, как мы бродили с вами...» А что хотел этим сказать, кто его знает... Что ж, сегодня всё выяснится. Отношение человека сразу почувствует.

У трамвайного парка Ксения вышла, перебежала улицу, направилась в депо её прошлого поезда рейса зятя.

«Самой же нечестно приходить», — подумала она. Мог бы приехать, и первый известить, если приехал. Но, с другой стороны, может быть, хочет с родителями побыть вечерок, может, он и приехал на день всего, завтра уезжает.

В трамвайном парке от множества ярких ламп, от освещённых поездов, стоявших в очереди на выезд, было светло, как днём.

Ксения зашла в депо и, сложив ладони рупором, крикнула:

— Волков! Толя!

Волков отозвалась из чётвёртой траншеи и вышел из-под состава.

— Принесла? — осведомился он, вытирая руки ветошью.

Ксения отдала ему свою заметку для стендгазеты.

— Ну-ка, зайдём, — строго сказала Волков, поднявшись в wagon и, положив заметку на сиденье, надёжно её снимком караулом: «Рассказ авторовождого — комсомолки Авдюров». Так называлась сейчас проводка, — нахмурившись, проговорил педагог.

Она присела, хотя и знала, что ей заметку Волков всё равно не будет.

— Ксения Петровна! — крикнула слесарь с крыши соседнего вагона. — Вы здесь? Вас тут какой-то молодой человек ищет.

Ксения выскоцила на платформу.

— Где?

— Здесь, где-то ходит.

Она побежала к выходу и в дверях постремчалась с молодым человеком в кепке, надвинутой на уши.

— Вы товарищ Лавров? Я вас узнал! — обрадовался он и поправил кепку. — Корреспондент газеты.

Они присели.

Корреспондент был неопытный, задавая странные вопросы, неврничая. Вынула из кармана семечек, предложила Ксению.

— Извините, я курит, бросаю, семечка-ми спасаюсь.

Она терпеливо ответила на все вопросы, пропрашивала, собрала пачку из семечек.

Идти к Михаилу или не идти? А что если он подумает: «Вот уж и прибежал!»

Возле будки диспетчера висела газета «Ленинградский трамвай». На первой странице её фотография. И совсем не похожа Ксения и сниматься-то не собиралась, а фотограф поймал её в дверях и сфотографировал при лампочке в сорок свечей. Чего уж тут ждать хорошего?

У наружных ворот парка стояла Доска почёта. Здесь также висел её портрет. Ксения была изображена в светлом пальто, с высокой прической, так что выглядело даже интереснее, чем в жизни. А Михаил ни разу у неё и карточки не просроха.

— Нет, никакда я не пойду. Незачем идти, — решила Ксения. — Сам придёт, дому знаю.

Её не радовал ни погожий весенний вечер, ни букеты крупных кувшинок — акбимых цветов Ксении, которые продавали на улицах.

Возле общежития ей захотелось вернуться пойти к Михаилу, но она заставила себя открыть дверь и стала подыматься по лестнице.

На площадке второго этажа стоял Михаил. Ксения от неожиданности остановилась.

Мгновение они смотрели друг на друга, точно не веря своим глазам. Потом Михаил молча пошёл к ней навстречу.

Е. ВЕСЕНИН

Пока не годен...

Фельетон

Перед нами комсомольский билет № 27137649.

Комсомольский билет! Советские юноши и девушки бережно хранили тебя, комсомольский билет, у сердца, как самое дорогое, заветное. Многие славные сыны нашей Родины облагрили свою молодой кровью в боях за свободу и независимость советской Отечества.

Как же так случилось, что комсомольский билет № 27137649 был оставлен на батарее в раздевалке Московского геологоразведочного института имени Серго Орджоникидзе, где студенты подобрали его и передали в комитет комсомола? А ведь билет мог попасть в руки врага! Подумал ли об этом комсомолец Лев Маврицын?

Утром комсомольского билета — последняя, завершающая глава истории о том, как Лев Маврицын перестал быть комсомольцем. А как она началась?

С комсомольского билетаглядят школьник с вихрастым чубом. Этой фотографии восьмой год. Вступив в 1945 год в комсомол, Маврицын дал слово быть честным, служить примером в учёбе, труде. И не сдержал своего торжественного обещания. Он учился в школе весьма посредственно. В его табеле наряду с четвёрками уживались и двойки. Единственный сын в семье педагога, баловен родителей, он знал, что всё ему сойдёт с рук, всё простится.

С годами мальчишкаобразумится, — утешали его родители.

Но мальчик не образумился. В девятом классе он совсем запустил занятия, и ему

предстояло остаться на второй год. Лёбушка — второгодник! Нет, бедный мальчик не заслуживает такого позора, надо поощрить его самолюбие. И отец, директор мужской школы в Рязани, пользуясь своими связями, добился перевода сына в другую школу.

Здесь свершилось чудо: мальчик окончил школу с серебряной медалью.

Как же это произошло? Вспомнила ли комсомольская девушка перемены? Ведь и в новой школе он учился по-прежнему. И тут в классном журнале чистяком против его фамилии появлялись отметки «не было», — хотя на здоровье Лев Маврицын не жаловался.

Педагоги объясняли блестательную перемену тем, что в десятом классе к концу учебного года Маврицын подтянулся, выпускные экзамены сдал на четвёрки и пятерки. Вот ему и выдали медаль.

...Маврицын — студент-геолог. Что привлекло его в эту профессию? Желание стать разведчиком недели? Едва ли. Эта профессия беспокойная: тут и длительные отлучки, и поездки без особых удобств, и инонёхи в открытом поле... Его скорей всего прельстила нарядная форма.

В институте новичка встретили приветливо и радушно. Он быстро сошёлся с товарищами по группе и как бы неизначай сообщил им, что был в школе секретарём комсомольской организации. Если бы Маврицын был честен, он добавил бы, что в школе не оправдал доверия товарищей не справился с комсомольской работой. Но он это скрыл, и вскоре на комсомольском собрании курса его избрали членом бюро.

Рисунок Ю. Фёдорова.

Серебряная медаль, увы, не выручила Маврицыя. Чтобы овалить крепость науки, крахнула настойчивость в достижении намеченной цели, выдергка и серебряная подготовка. Ничем этим Маврицыи похвастаться не мог.

Боясь обнаружить убожество своих знаний, Маврицыи пропускал занятия, оттаявши зачета, прибегал к шарашкам. Товарищи предупреждали его, что всё это может плохо кончиться.

— Ерунда! — отвечал он, покрасневший. — До конца года далеко. Выкрадакисьма.

Но лень, ложь, заныкание — плохие помощники. Маврицыи всё больше отдался коллектива. Родители его жили в Рязани и понимали, имели о том, что происходит с их неизгладимым сыном. Лев писал им радужные письма, и отец с матерью были за него спокойны.

Однокурсники не оставались беззлымы к судьбе товарища. Они предупреждали, предостерегали, выражали готовность помочь. Но Маврицыи всё это высокомерно отклонил.

Комсомольцы вынуждены были тогда вывести Маврицыи из состава курсового бюро. Однако и такая суровая мера ничуть его не встревожила. Он даже бравировал:

— Поступай, как хотите: мне всё равно. Во время экзаменационной сессии Маврицыи честно сдал экзамены по математике-геометрии и вовсе оскальдился. Ему попался билет с неизвестными вопросами. Нимало не смущаясь, он подделал билет. Его поймали с поличным и вывели из аудитории.

Недостойный комсомольца поступок обсуждался на собрании и завершился вполне закономерно — строгим выговором с предупреждением. Обескоконные товарищи написали письмо в Рязань. Но Лёва сумел оправдаться перед родителями: не слышал, мол, этих малых завистников; у меня не всё так плохо, как вам донесают.

А сам Маврицыи явился к преподавателю математики-геометрии, пустив слезу и упросив отсрочить экзамен. Преподаватель решил, что юноша испенен: расскаивал, поручился за него перед деканом. И что же? На повторном экзамене Маврицыи скандально провалился. И снова он не поспешился на слёзы, клятвы и заверения.

— Прежний Маврицыи нет! Я понял свою ошибку! Я испустил свою вину!

Маврицыи поборола, назначили третий экзамен он еле-еле, с большой натяжкой, сдал его на тройку.

Товарищи терпеливо ждали, когда же в по- ведении Маврицыи наступит перелом, когда же наконец заговорят в нём честь и совесть. Летом, когда весь курс выезжал в Загорск на производственную практику, товарищи дружески спрашивали Маврицыя:

— Вот где ты можешь делом доказать, что изменился?

Но он и не думал исправляться. Вместо того чтобы со всеми работать в бригаде, он самовольно отправлялся в Москву, прогуливаясь. Расхабистость Лёвушки дошла до того, что однажды он потерял неизвестно где денный инструмент, доверенный ему для практических работ.

Все попытки разуметь его оказались безуспешными, и общее комсомольское собрание

единогласно постановило: исключить Маврицыя из рядов комсомола.

Дирекция вынуждена была издать приказ: «За систематическое нарушение дисциплины отчислить Маврицыя из института». Тогда на выругу поспешил лёвина папа. Оножковал в институт, нашумел по поводу того, что там не сумели будто подойти к «стоник» натуре его ребёнка. И каким-то образом добился распоряжения от бывшего министерства высшего образования:

«Читайвая, что Маврицыи закончили среднюю школу с серебряной медалью и осознал недопустимость своего поведения, восстановить его в институте».

Маврицыи снова стал шагать по улицам Москвы в нарядной форме студента-геолога. По тому, что он попрежнему пропускал лекции и занятия, проваливал один за другой, было видно, насколько серьёзно он «осознал недопустимость своего поведения».

Как-то после длительного отсутствия Маврицыи явился в институт подавленный и грустный. На лице — безысходная скорбь и неизменная тяжесть безутешного горя.

Все на курсе встретились:

— Что с тобой, Лёва, стряслось?

С дрожью в голосе он поведал о большом несчастье:

Мама умерла...

Товарищи сказали, что как мог, поспешили выразить Лёве свою сочувствие.

— Даримся, Лёва! Будь мужчиной! Мы тебе не оставим... И с зачётами поможем тебе сообща.

А через день «умершая мама» как ни в чём не было звонила в зонтике в институт, интересуясь тем, как ей ссыпать здёт зачёты.

В конце концов дирекция института выпустила билет, на этот раз бесповоротно и решительно, исключить Маврицыи из института.

В довершение всего комсомолец Маврицыи потерял комсомольский билет.

...Вот он сидит перед нами. Конечно, ему неизвестен этот разговор. Но в его глазах — отчаяноти подлинной тревоги, беспредельной содрогаемости. На всём у него заросли пурпурные отметины. Маврицыи сидит, сопротивляясь очевидным фактам. Но когда это не удается, тут же кое в чём винится. И делает это так же легко, спокойно, как только что все отрицал. И неизменно подчёркивает:

— Конечно, я во многом сам виноват, но и они тоже хороши...

«Они» — это его товарищи по институту. «Они» видите ли, не поняли, что кему нужно особый подход.

Зашла речь о его комсомольских делах. И в голосе Маврицыи такая беззаботность, точно ничего особенного не произошло.

— А что же? Членские взносы плаку аккуратно. Билет? Могу показать. Только сейчас сейчас же нет. А завтра могу принести, если хотите...

И говорит он то уверено, что всякие сомнения должны как будто отпасть.

Мы сидели и слушали, как он изворачивался, прикидываясь простаком, этаким шалунишком, которому сердобольные родители всегда прощали его невинные шалости.

С тем он и ушёл, вежливо попрощавшись. Он пообещал прийти на другой день и привести свой комсомольский билет. У нас, присягая, теплилась надежда, что Лев Маври-

цы всё-таки найдёт в себе мужество, придет и честно признается: «Да, я тяжко виновен: комсомольского билета № 27137649 у меня нет, и где он, я не знаю...»

Но ожидания наши были напрасны: Маврицыи мы больше не видели. А поговорите с его родителями — и сразу станет ясно, почему Лёва не выдержал первых жизненных испытаний, с которыми он встретился на самостоятельный пути.

Многие из того, что вы расскажете об их сыне, будет для них открытием. Но, сделав печальное открытие, они тут же найдут множество оправданий: «Лёва — хороший парень...»

— ...Всё это умеличивающий мальчик! Возможен, конечно, и заблуждение. Но к чему все эти страшные слова? Почему он пропускал занятия? Пересажал — на другую квартиру. Подделал экзаменационный билет? Зачем пытаться такой шум из-за случайной помарки? Вы говорите, что он не платил членских взносов в комсомол — это, конечно, нехорошо. Но к нему плохо относились, а он такой самолюбивый!..

После всего, что мы узнали о Лёве Маврицыи от него самого, от его товарищей, от его родителей, нас невольно стало занимать вопрос: как могло случиться, что в здорово советской среде вырос такой беспечный барыш? Кто в этом повинен?

Всё это, конечно, сожаление, сказалось много.

Прежде всего родители. Они посыпали со своим любимчиком. Они потакали его малым капризам, не смили ни в чём отказать.

Виновны и педагоги. Им не хотелось отгорачивать уважаемого коллегу — отца Лёвы, — и они смотрели сквозь пальцы на глубокие изъяны в воспитании его сына. И даже незаслуженно выдали Маврицыи-младшему серебряную медаль!

Навсегда было полагать, что при таком оранжерейном воспитании из Лёва Маврицыи вырастет юноша, в боязни никаких прелестей, вырастет боевой комсомолец.

Узнав, что даже его сына занялись интересом работы, старший отец Лёвы сделал вид, что неинтересен изумлён.

Надо ли в печати разглашать всю эту историю? Во-первых, едва ли она так уж поучительна, во-вторых, это, по-моему, просто неподходящий изумлён.

Видимо, Маврицыи-папа плохо знает педагогику. Наш большой педагог А. С. Макаренко советовал:

«Дети — это цветы жизни. Не набрасывайтесь на цветы с одними вадохами. Не подавляйте их в руки лопату, ножницы, лейку, достаньте лестницу. А когда в вашем саду появятся гусеницы, возьмите парижскую зелень. Не бойтесь, побрызгайте — пожарожко, пусть даже сгорят, сожжут, погибнут».

Нашей партвой и комсомольским воспитанникам миллионы молодых советских людей, их вдохновляют бесмертные образы Александра Марросова, Зоя Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Олега Кошевого. Миллионы «беззаботных преданных Родине юношей и девушек, не замыкающихся, когда это потребуется, повторят геройские подвиги Зоя и Олега.

О таких людях говорят:

— Годен для битвы!

Рискнет ли кто-нибудь сказать это о Лёве Маврицыи?

Едва ли пока он к битве не готов.

ЮНЫЕ МИЧУРИНЦЫ

Сотни писем приходят в адрес крупных юных мицуринцев 7-й средней школы имени Юрия Гагарина Саратовской области. Среди получателей — учёные, писатели, политические деятели, художники. Одни просят письма семинаристов, пишущих о том, какими способами засаживают 60 кустов винограда. В прошлом году некоторые культуры уже плодоносили. Много выращенных на пришкольном участке саженцев юных виноградари передали для присадки юным садоводам других школ. Саженцы винограда, картофеля, капусты, яблонь, ягод, фруктов называют юными опытниками. Четыре года назад девочкам написали письмо в Горки Ленинские, на экспериментальную станцию Всесоюзного научно-исследовательского института селекции и семеноводства винограда. К их большой радости, академик Д. А. Долгушин выслал

им 100 зерен. Консультируясь у научного работника Саратовского сельскохозяйственного института Н. П. Котова, юные опытники получают выполненные уроки виноградоводства.

В прошлом году такая пишница была высажена на делинке в 36 квадратных метров. Урожай, в пересчёте на гектар, получился 574 кг центнеров.

Юные мицуринцы получают заслуженное признание в обществе.

В связи с введением политехнического обучения в этом году в практическую работу будут вовлечены все учащиеся школы. Это — нейлоновые изделия, металлическая мицуринская кухня.

Крупным юным мицуринцам саратовской средней школы № 7 утверждён

кандидатом в участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В. ПРОТАСОВА,

Первое выступление.

Фото Д. Шоломовича

Фотоэтюд В. Еллинской.

Всё тихо. Не слышно трамвайного лязга.
Подсохла трава на бульварах Москвы.
Стоит на песке голубая коляска.
В ней спит моя дочка под крышей листвы.

Шумят ребятишки поодаль. Но где ж им
Её потревожить! В разгаре весны
Она отдыхает на воздухе свежем.
И видит, должно быть, хорошие сны...

Константин ВАНШЕНКИН

Тишина стоит в комнате для занятий. Девочки и мальчики готовятся к экзаменам. В их распоряжении географические карты, книги, учебные пособия. Здесь есть все условия для того, чтобы хорошо учиться.

При детском доме имеется своя столярная мастерская. В мастерской ребята строят модели кораблей, макеты домов, вышивают рамочками для картин. У этих ребят умелые руки.

Игорь КОБЗЕВ

ЗА СЧАСТЬЕ ДЕТЕЙ

Первое, что я услышал, переступив порог детского дома, — это был высокий, переливающийся медный клякот пionерского горна.

Во дворе, возле лестницы, стоял в городной позе пухлодёйный горник. Он трубы на обед. Сигнал был тот же самый, что подаётся во всех пионерских лагерях: две быстрые, отрывистые музыкальные фразы.

Услыхав звук горна, черноволосый веснушчатый мальчик в поспешном размахе с размахом удали квадратную фигуру, изображающую пушку. Девочки, начертавшие «классик» прямо на балконе, прервали свою игру. В пионерской комнате оторвались от решения головоломок. И молодым футболистам (ничего не поделашь!) пришлоось объяснять первую половину игры окончанием.

Девочки и мальчики, вымытые ружи, направились к столу, где так озирательно пахнет борщом, тушиным мясом, оладьями.

А я тем временем пошёл знакомиться с воспитателями.

Заведующая учебной частью детского дома Фания Николаевна Пущинская — немолодая женщина с добрым русским лицом, внимательными глазами, со строгой прической начинавшими седеть волос. Она мать троих детей. И для ста воспитанников детдома она стала второй матерью. Стоит только спросить увидеть, как проходит Фания Николаевна по коридорам, окружённая со всех сторон обнажившимися ей и повинившимися за её руки девочками, чтобы стало понятно, сколько материнской любви к детям заключено в сердце этой женщины.

Обстоятельно и подробно рассказывает она о жизни ребят, о способностях и характере каждого из них.

...Здесь, в двухэтажном розовом доме, что стоит на горе, неподалёку от Сталинградского тракторного завода, живут дети воинов, погибших в боях за великий город. Отцы и матери этих детей работали до войны в пехах завода. Теперь завод шефствует над детским домом. Заводские коммунисты и комсомольцы — частые гости у ребят. На праздники или когда здесь колективно отмечаются дни рождения воспитанников, шефы приходят в гости, награжденные множеством подарков.

Заводской завода заботится и о том, чтобы ребята хорошо отдохнули. В свой лагерь на Ладожском озере они отправляются обычно на всё лето. В прошлом году добирались туда пароходом по Волго-Дону. Некоторые из ребят провели каникулы в «плакучем лагере», который размещался на пароходе, совершившем рейс по Волге. А Шиловой, Соколову, Сил-

киной, Поповой и другим посчастливилось поплавать на Чёрном море — в Артеке.

Много радости приносит ребятам их собственный фруктовый сад. Сад расположился над рекой Мечеткой, занимает он три гектара. Ребята сами ухаживают за садом. Сколько в нём разного! Бородяк, груши, слии! В прошлом году ребята убрали урожай фруктов — более шести тонн. Бараны вареные, сушки. На всю зиму хватило!

Вместе с Фанией Николаевной мы проходим по опустевшим на время обеда уютным коридорам дома.

Вот рабочие комнаты... На стенах картины, схемы, таблицы. На самом видим месте плашкат «Экзамены — наш ответ перед Родиной». В этих комнатах ребята учат уроки, готовятся к экзаменам. Если кому-нибудь из учеников трудно даются занятия, воспитатель старается во время помочь отстающему. Да и сама ребята всегда помогают друг другу. Результат неизлох: среди учеников детского дома «двоечников» нет. Успеваемость — сто процентов.

Чтобы осуществились мечты, надо хорошо учиться. А мечты у каждого свои. Толя Була-

нов мечтает стать художником, Нина Воронина — агрономом, десятиклассник Гена Соков — конструктором самолётов.

Уже многие бывшие воспитанники учатся в педагогическом, физкультурном и других техникумах. А Константин Егоров, всегда мечтавший о море, кончает теперь школу юнгов. Какие прогрессивные, благодарные письма присыпали он И. Фаню Николаевну вспоминает, сколько тепла, трудолюбия, разговоров было у неё когда-то с этим самодовольным и замкнутым мальчиком, прежде чем стал он таким, как теперь — примерным комсомольцем, мориком.

Дети... Для каждого нужно найти своё особое слово.

Вот, например, Гена Морозов. Много переживший, первый, он был резковат в разговорах со взрослыми. Ни замечания воспитателей, ни даже пионерский сбор на тему «Будущий вождь» не оказали на него воздействия. Тогда специально для него руководитель драмкружка Анна Васильевна Гончарова решила инсценировать рассказ Осеевой «Волшебное слово», о невинном мальчике, никогда не говорившем «спасибо».

Когда Анна Васильевна сказала Гене, что хочет поручить ему роль в новой постановке, Гена с напускным преображением ответил:

— Вот ещё, новое дело! Быстро Морозов да Морозов! Пускай другие играют, а я погожу.

Недолго перед этим Быстро Морозов да Морозов прошёл перед антресолями, где мальчики были бы с весни резок, но он зорко и покрылся потом, когда приходилось изображать ставшего вождивым мальчика. Однако неизменно Гена и сам постепенно привыкался говорить «спасибо».

Большую пользу приносит также воспитанникам частые литературные вечера, читательские конференции.

В детском доме есть светлая, просторная комната — библиотека-читальня. Есть здесь и свой клуб, в котором проходят репетиции, выступления участников хорового, танцевального и драматического кружков и регулярно раз в неделю демонстрируются новые кинофильмы.

...Я рассматривала висящую на стене в коридоре сегодняшнюю «Молнию» и вдруг почувствовал, что попал в живое, звонкое колыбель ребятишек. Маленькая черноволосая девочка

В детском доме много своих «мастеров художественного слова». Среди них одно из первых мест по праву принадлежит двадцатилетней Нели Дружининой. На вечерах и концертах Нели всегда с успехом читает стихи.

Воспитанники детского дома часто бывают на экскурсиях в Государственный музей обороны Царицына — Стalingрада. На фото: Галия Тюменова, Лёня Расстрегин, Владимир Черенков, Лида Шилкова и Тома Федоровская у входа в музей.

с огромными чёрными глазами, поздоровавшись, спросила:

— Правда, что вы из Москвы?

Я отвечу, что правда. И сразу же со всех сторон посыпались вопросы:

— А вы в Третьяковской галерее были?

— Вы Орлово видели?

— И Лемешева видели? Вы не можете ему передать, что он к нам в школу не возвращается?

Через какое-нибудь полчаса минуты мы были друзьями. Девочки наперебой рассказывали мне сколько у них отлучек и сколько «хорошисток», кто из них мечтает стать балеринами и кто лётчицами, какие вопросы обсуждались на сессиионе детского совета.

Принесли показать письма от своих старших друзей — черноморских матросов. Письма эти были полны солёного дыхания шторами, мужества и твёрдой уверенности в том, что стalingрадские дети могут, ничего не боясь, расти радостными и счастливыми.

Долго мы разговаривали о море, о школе, о Москве, о Родине. И среди всей этой разницы по возрасту и по характеру ребятин не было ни одного «буки», ни одного необщительного и неразвитого ребёнка. Зато сколько любознательных!

ЗДЕСЬ ОЖИВАЕТ СКАЗКА

На экране тигр. Он делает несколько шагов на звуки, которые пропадают. Но тут же тигр повторяется снова. Делает те же три — четыре шага и снова исчезает. Это сценка, которую мы смеялись пять, десять, пятнадцать раз...

— Ноги — и туловище хороши!

А вот морда «живёт» — раздается голос изнутри:

— Да! Не то! Надо проработать...

В небольшом зале киностудии «Союзмультфильм» для съёмки и обсушкировки «кусоночек» рисованного фильма «Храбрый Пан». Эта картина создаётся на основе портретов детей с юго-запада сибирского народа — тунгусов, спасшим страну от этого дракона.

Сейчас в центре сцены вспыхивает в мультипликационном цехе.

Мультипликаторы — это художники-аниматоры. Так называют тех, кто вступает в анимацию и кто из зачинщиков, весь годом определяет существо их работы.

Художник-аниматор создает типичную персонажа и рисует основные положения их в отдельных кадрах будущего фильма. Типичность — это то, что характеризует раскраску персонажа.

Но в фильме мы видим герояев

студии: они говорят, поют, кают, болтают всё это на заставляют мультипликаторы и физиономии. Переходя от рисунка к рисунку, художники меняют положение ног, рук, головы, или даже хвоста. Кропотливая работа даёт плоды — люди, звери, машины приходят в движение.

Художники создают тысячи рисунков. Чтобы человек выпрямил полусогнутую руку, надо сделать 100 кадров. Для того чтобы тигр сделал три четырёх шага, надо нарисовать более 300 кадров, но это не предельно. Для того чтобы тигр сделал 12 сценок. Небольшая картина, демонстрирующаяся 10 минут, состоит из 15—20 тысяч рисунков. Этими цифрами невозможно представить, сколько всего многогранной работы мультипликаторов. Она сложна. Художники должны обладать техническим мастерством, актёрским чувством ритма. Перед тем как начинать съёмку, тигр, на котором мы сидим, мысленно проигрывают ей, а разрабатываем движение персонажа на бумаге, вступают в контакт с своим воображением, речёвкой, музыкой, звуком. И сколько рисунков остается ненеобходимыми для зрителя!

тельности, сколько в каждом неподдельной детской весёлости!

Глядя на эти светящиеся радостью, приветливые лица, трудно представить себе, что за плечами этих тринацды — пятнадцатилетних детей так много пережитых несчастий. В их личных далах в канцеляриях и столкнувшись с этим пережитым каждым из них тяжёлым горем.

Вот биография отличницы Альбины Мордвиновой. Отец её — сасарь чугунолитейного цеха СТЗ — погиб, сражаясь в рядах рабочего батальона при обороне Стalingрада. Мать была зверски замучена фашистами.

Вот судьба юного художника Толи Буланова. Мальчик родился без матери. Отец погиб под бомбами, переправляясь на катере через Волгу.

Такая же судьба у Лили Сылкиной, Лиды Шиловой, Люды Добринской, оставшихся после войны сиротами.

Дети не забыли об этом.

Воспитанники детского дома часто бывают на местах боёв. В музее обороны Стalingрада. После стalingрадских героев, они хотят знать главную историю родного города.

Они были ещё совсем маленькими, когда на их цветущий город обрушилась война. На тот день жутко завыли сирены. Отбог воздушной тревоги уже не последовало. Брага бросил на центр города около тысячи самолётов. День за днём, методично фашистская авиация громила, жгла, убивала с воздуха всё живое. Комсомольцы города по заданию обкома собирали в подвалах и на улицах потерявшихся,

Под этим памятником в братской могиле похоронен сын Доролес Ибаррури — Рубен Ибаррури. Ребята всегда останавливаются перед его могилой.

осиротевших детей. Детей временно укрывали в бомбоубежища, а потом катерами отправляли за Болгарию.

В это время их отцы, рабочие Стalingрадского тракторного завода, отбывали в районе Рынка атаки прорвавшегося противника. До конца войны погибли 150 рабочих, рабочие СТЗ в кровопролитных боях сдерживали наискосок врага. Многие пали в этих боях смертью героя. Но, умирая под пулями, бросаясь со связками гранат под танки, стalingрадцы были уверены, что дети их будут расти свободными, радостными, счастливыми.

...В детском доме Стalingрадского тракторного завода часто бывают иностранные гости. В альбоме они записывают свои впечатления.

«Ваши весёлые, счастливые лица будут одним из лучших воспоминаний о нашем пребывании в вашей стране» — с такими словами обратились к воспитанникам детского дома члены шведской делегации.

«Вы счастливые дети, и это очень хорошо», — записали в альбоме женщины из Австралии.

Об этом же говорят австрийские гости: «Во время нашего путешествия вокруг света нас всегда всего взволновали и тронули вид этих детей, таких счастливых, окружённых такой заботой!»

Дети стalingрадских героев растут здоровыми и счастливыми. Наше богатое, щедрое, справедливое государство по-отечески заботится о них. Мы должны зорко охранять мир, чтобы никто не смог отнять у детей Стalingрада их дорогое счастье.

Владимир Арбенов. Его рисунки всегда отличаются чёткостью, динамичностью. Хорошо справляется с персонажами, как это случилось с тигром. Значит, в рисунках на каждый миллиметр есть расхождение. Стингер, герой мультфильма, отработан неточно. Нужна переделка.

В цеху трудятся много молодых мультипликаторов. Острым глазом художника обладает комсомолец

Созданные художниками «Храбрый Пан» — рисунки в виде грибов и раковин, а Ракушкин — талантливый ренессансный Владимир Дмитриевич Дегтерев. В студии

ПОВЕСТЬ о СЧАСТЛИВОМ БЕРЕГЕ

В детской литературе мало книг, рассказывающих о жизни народов Севера. Поэтому юные читатели с особым интересом прочтут новую повесть Николая Шуиника «На Севере дальнем»¹.

Ощущением человеческой теплоты, заботы о людях, радостью творческого труда наполнены страницы в этом романе, рассказывающие о жизни чукчей чукчей границе нашей Родины.

До революции жизнь чукчей была крайне тяжелой. Бесправная, произвол, голод, нищета душали народа. Американский купец Кэмби и шаман Мэнгыло, местные багатен жестоки, эксплуатировали чукчей. Но пришел конец произволу. Бегут на -Алуски купец Кэмби и шаман Мэнгыло. Угрожая оружием, они заставляют поехать с собой чукчей в Якутию в деревни, разделенные с родинами.

Шли годы. На месте, где дружно стояли четыре ярзана, встали с большой, прекрасной постройкой. Построены дома, школа, больница, клуб. Все дети учатся, окружены заботой. Растёт и багатеет оленеводческий колхоз.

Но не все принесло новое. Брат шамана Экко глубоко затянул злобу. Он вредил колхозу, ворует пушину; саму своему Тавынью запрещает учиться, настраивает его против новой жизни. Однажды и запуганный растёт вельможа. Но малыши на помощь приходят другим чукчам.

А там, за проливом томятся в неволе угнанные далеко от родины люди. Из светлого мира автор переносит читателя в мир насилия и беспправия, в мир жестокой

¹ Николай Шуиник. На Севере дальнем. Детгиз. 1952.

неправедности и угнетения. Мальчик Чоюк, который родился на Аликсе, теряет отца, мать. Отец замерзает в поисках пропавших оленей хозяина — мистера Кэмби. Мать умирает от голода. Мальчик остаётся один. Доведенный до отчаяния, он в лёгкой байдарке уплывает туда, к Счастливому берегу, о котором чукчи рассказывали ему отец. Крупные льдины, как скользкая скрипка, расщепляют байдару Чоюка, едва успевшего выпрыгнуть на лёд. Обессиленного, его подбирает охотничий вельможа. Мальчик спасён. Он на Счастливом берегу, в Советской стране. Ласка, забота, встреча с родными возвращают к жизни Чоюка.

Мистер Кэмби, снова пытающийся пробраться на Чукотку, пойман. Экко, помогавший ему, уличён.

Таков сюжет повести Н. Шуиника.

В центре повести — дети, их характеры, поступки, склонности, их мечты о будущем.

Петя родился и вырос на Чукотке, все его настоящие и будущее связаны с этим народом. Целеустремлённый, честолюбивый, мальчиком вырабатывает волю, чтобы осуществить свою мечту — стать полярным путешественником, открывателем новых земель. Ну, а пока будущий полярник, исследователь учится, шалит и лучами всех ходят на руках.

Куяк — горячий, увлекающийся мальчик. Если уж кому улечётся, то об остальном забудет. Поэтому и учится он неровно. Куяк хорошо рисует, мечтает быть косторезом.

Этот — мальчик правдивый, открытий, добродушный. Это маленький хозяин. Больше, чем дру-

гие ребята, живёт он жизнью колхоза, вникает во всё, старается помочь взрослым.

Автор знает своих маленьких героев, и это помогает ему создать запоминающиеся образы. Жаль только, что образы эти несколько статичны. Причина этого, пожалуй, в валиости и однотонности жизненных ситуаций, в которых характеристики героя не получают своего дальнейшего развития.

Интересно задуман образ мальчика Тавыни.

Тавынь живёт с отцом, которого никто не любит, с отцом, которого он сам подозревает в воровстве и даже бессознательно чувствует в нём врага. А ведь это его отец, и мальчик любит отца. Этот острый жизненный конфликт писатель, сожалею, не использует, не делает уделом за ними.

Хорошо в повести то, что жизнь детей, жизнь людей не отделена от жизни взрослых, от жизни колхоза. Дети не являются участниками всех событий; взрослые умеют вводить их в правильную жизнь. Всё, что происходит за стенами школы, неотделимо от детей, а каждое событие в школе является предметом внимания всего коллектива.

Запоминается образ директора школы Виктора Сергеевича Железнова. Бывший политический ссыльный, Железнов остался на Чукотке, боролся за советскую власть, потом начал строить новую жизнь. Каждого его слова ждут, ему верят. Но его не знают. Образ Железнова выписан с большим художественным трактованием.

Говоря о повести в целом, можно сказать, что события, связанные с жизнью колхоза и школы, описаны

Детгиряев пришёл сравнительно недавно — в 1948 году, — но уже заставил пристальнее посмотреть на чукчей.

Интересна судьба художника. Любовь к изобразительному искусству привела его к художественному училищу. Но прорвавшись в жизнь не пришлось: начались войны. На фронте Детгиряев потерял глаза, а затем, будто бы, рухнули все мечты. Но любовь к творчеству, к делу, которому Владимир Петрович посвятил всю жизнь, определила путь чукчей. Он окончил институт педагогики и работал инструктором кинематографии и постукивал в студию. Здесь Детгиряев принял участие в создании известных картин: «Когда звезды погибают блекли», «Друзья-товарищи», «Сердце храбреца».

Работая в студии «Храбрый Пан», Детгиряев стремится как можно больше передать в картинах всю прелесть чукческого быта. Он понимает, что фильм о восточной стране должен быть пронес, богаты рисунками и в то же время развлекательным, по душе, понятным для детей.

В изображении ряда сцен, сделанных на основе новейшей мультипликационной техники — световые эффекты. Так, например, на сцене лодки и плавающие лодки, которые отходят от лодки отца Грома, буря морских волн будет более прозрачными, чем ее основание. Это — один из видов доскональной мультипликации.

Световые эффекты будут исполь- зованы также и в другой новой

картине, которую готовят студия, «Золотые руки». Это фильм-сказка о чукческом герое-охотнике. Её расскаживалось в том, как люди вспоминали лица в отдаленных от нас времена покорности неба.

Минувшие годы не прошли над изобразительными решениями этой картины молодой художницы Александры Бондарчук.

Бондарчук — так же, как и Детгиряев, окончила ВГИК. Винокуров участвовал в создании фильмов «Женщина в зоне боевых действий», «Обладая богатой фантазией и мастерством художника» Винокуров всегда вошёл в ряды ведущих работников кинематографии. Её работы сыграли хорошую традицию, обогащая количеством студий. Здесь вы можете увидеть работы её самого сотрудника, подчеркивают живую инициативу, смело выдвигают идеи.

Так было с Детгиряевым, Винокуровым, Бондарчук. Молодёжь показывает свою квалификацию и поэтому успешно справляется со сложными заданиями, быстро осваивает новые методы. Такими же работают Рада Привезенкина, Гали Андреева, Нина Афонкинина и другие.

о знании жизни, рукой наблюдательного художника.

Вторая книга — «Лиса», где показаны судьбы людей, оброненных на чукчину, вызывает неудовлетворение. Внешне эта часть написана стремительнее, но события следуют одно за другим с такой поспешностью, что читатель не успевает даже уделить за них, а не то что разобраться в них.

Здесь сказалось недостаточное прописывание писателем в материал, неглубокое обобщение отдельных жизненных явлений.

Повесть растянута. Следовало бы уплотнить её, от этого она только бы выиграла. Особено это относится ко второй части: «Фаэтон» — это, конечно, не застянутую и начало третьей части. Вспомнили малыши Чоюком новой жизни было бы выразительнее, если бы писатель не так однобоко и долго рассказывал об этом.

В повести Н. Шуиника много хорошего, увлекательного, свежего. Но повесть была бы еще лучше, если бы Детгиряев требовательнее пошёл к автору и побольше поработал над книгой.

Ал. МУСАТОВ

Недавно на акварели вышли новые фильмы: «Краснолицая лиса», «Ворона и лиса», «Непослушный кот».

Советские рисованные фильмы пользуются большой популярностью как у нас в стране, так и за рубежом, о чём свидетельствуют многочисленные письма, отосланы

в печать.

Д. СМИРНОВ

В ЯХРОДДЕ

Если вы захотите повидать кого-нибудь из молодых рабочих Яхромской предпринимательской фабрики, то выездной день — это не ищите его там, там его не найдете. И не помогут вам в этом вопросе ни родители, ни соседи. Первое, что вам скажут: «Самый быстрый спортивный коллектив — фабричный стадион!»

— Вы не знаете, где наш стадион? — изумится в ответ прохожий, к которому вы обратитесь.

Но, поняв, что вы незадешний, он тотчас извинится и начнёт подробно рассказывать, куда идти, сколько раз надо поворачивать, сколько велосипедов в потоке, и т. д., и т. п. И обязательно спросит:

— А впрочем, и я с вами пойду. Хоть скажу, что я злодей, а вы обедать приходите. А то ведь утром, чуть свет, глаза прорад — и... туда!

По дороге вы непременно узнаете, что в деревне есть более любимого молодежью места, чем фабричный стадион. Там отымают, готовятся к состязаниям. Туда направляются люди, еще тогда, когда велосипедистам было мало мостотехнического передвижения по земле.

И «взялся» всему этому, конечно, глава фабричных физкультурников — инженер Николай Филиппович Комиков. Он уточнил, который год разыскивает, что нет лучше, полезнее и увлекательнее отдыха, чем занятия спортом.

С утра до вечера вокруг этого по-юношески бодрого, энергичного человека суетятся подсобники. Одни «спрашивают», где и когда собираться участники кросса, другие нужно непременно узнать, на сколько метров необходимо толкнуть ядро, чтобы получить третий разряд, сколько времени требуется для пресс-поджатия, третий выясняют, появились ли в кладовой новые по-крышки для волейбольных мячей, новые сетки...

Грядущий второй год глава фабричных физкультурников Николай Филиппович. На его глазах постепенно складывалась одна из лучших производственных коллективов страны. На фабрике дружно живет один из первых городов рабочего, техника или инженера, который бы не занимался в той или иной секции, а сейчас этих здесь более двадцати.

Человек должен быть всесторонне развитым, — частенько говорят своим воспитанникам заслуженный мастер спорта.

А в Яхроме, в яблоневой садине ни занимался юноша или девушка, они обязаны непременно сдать нормы на значок «ГТО». Всего же на Яхромской фабрике в настоящее время насчитывается 1500 человек, имеющих право носить значок «ГТО» первой и второй степеней.

Киучики, крестьяне, служащие, фабричные рабочие, студенты, врачи, инженеры, какая же из них не занимается? Каждый на себе испытывает, как легко работает, какое прекрасное настроение после хорошей тренировки на спортивном поле, какое удовольствие — наявления после упорной борьбы на футбольном поле, на беговой дорожке, на волейбольной площадке, в бассейне, на широкой ленте шоссе.

А над головой бездонное голубое небо, щедро рассыпает солнце золотые, горячие лучи.

2. Сборище велосипедистов на стадионе и фабричные велосипедисты. Сегодня очередная тренировка. Спортивное лето обещает быть ярким. Чтобы удержать на должной высоте честь коллектива, нужно много и упорно тренироваться.

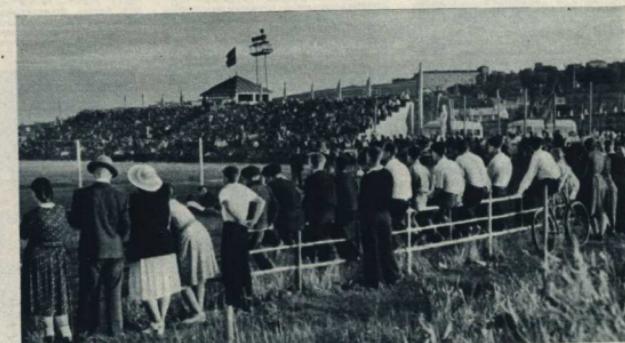

3. Нелегкая трасса пролегла гонщикам. В основном, конечно, можно ехать на велосипеде, но зачастую приходится нести его и на сбоях.

4. Фабричные гимнасты — опасные соперники на соревнованиях. Но они не успокаиваются на достигнутом, продолжают упорно тренироваться.

Вот завершает сложную комбинацию на турнике помощник мастера ткацкого цеха Иван Умаленов.

5. А после обеда на стадионе стало еще многогоднее: в гости к фабричным физкультурникам приехали из Москвы мастера футбола.

1. Дружно движущиеся со старта участники общезаводского кросса. Их путь лежал по полям, по лесам, по оврагам. Кое-кто устал, кое-кто вырвался вперед. Длинной цепочкой вытянулись бегуны, приближаясь к финишу.

6. Упорной и интересной была встреча футболистов: многому научились, многое полезного подметили для себя фаброчные почтители конячного мяча.

9. В другом конце стадиона, возле бассейна, собирались любители плавания. Справа здесь разместили коры на значок «ГТО».

— На старт! — скомандовал судья.

— А следующую секунду пловцы уже бросились в воду, вздымая алмазные брызги, и, пеня в воду, начали бороться за доли секунды.

7. Когда же свисток судьи известил о окончании игры, на старт вышли легкоатлеты, и на беговой дорожке завязалась горячая борьба.

10. Много интересного может рассказать своим воспитанникам заслуженный мастер спорта Толиков. А молодёжь слушает и не верит, что было время, когда на фабрике не было стадиона, почти никто не умел правильно бегать, прыгать, пугать гимнастике с лёгкой атлетикой,

8. В сторонке, вокруг штанги, собралась фаброчная молодёжь.
— А ну, кто больше выжмет?

11. Заботливо готовят себе достойную смену фаброчные чемпионы. Успеха в спорте можно добиться, если увлечься им с детским летом.

12. Вот и будущий футболист, учится вбрасывать мяч в игру.

— Теперь правильней! — удовлетворительно говорит тренер футбольной команды фабрики, когда Саша фабрек, сын биробиджанского электромонтера, бросил свой первый мяч в игру.

Китай. Пекинские пионеры на прогулке.

РАДОСТНОЕ ДЕТСТВО

Сколько радости, весёлого шума, забавных игр! Ничто не омрачает их радостное детство. Это дети стран народной демократии и Китайской Народной Республики. Окружённые всемеродной заботой и вниманием, они заполняют чудесные дворцы, парки, детские сады, школы.

«Всё для детей — будущих строителей новой, счастливой жизни!» Под таким лозунгом трудащиеся Китайской Народной Республики, Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Албании и Германской Демократической Республики встретили Международный день защиты детей. А ведь совсем ещё недавно в этих странах дети трудящиеся не знали радостей детства. Образование, отдых, медицинское обслуживание были доступны только

детям богачей. Буржуазные правительства не заботились о судьбе сыновей и дочерей трудового народа.

Отеческую заботу о детях проявляет правительство Китайской Народной Республики. Проведена коренная реформа системы народного образования, все дети школьного возраста получили возможность учиться. В стране открыто 440 тысяч начальных школ, в которых занимается сейчас около 40 миллионов детей.

В панской Польше свыше 23 процентов населения страны в возрасте старше 10 лет было неграмотно. Совсем иная картина сейчас. Правительство народно-демократической Польши создало все условия для обучения детей трудащихся. Только в начальных школах теперь учатся около 3,5 миллиона детей. Огромное

внимание в Польше уделяется и отдыху детей. В прошлом году лишь в пионерских лагерях отдохнуло более 800 тысяч ребят.

Счастливо и радостно живут дети новой Румынии. За последние годы в стране открыто более 5 тысяч новых начальных и средних школ. К услугам ребят около 20 детских театров. Малышам Бухареста хорошо освоились в одном из лучших зданий города — бывшем королевском дворце. Народ гордится его детям. С раннего утра до позднего вечера зучат сейчас в нём весёлые, задорный смех.

Превосходный подарок получили и венгерские дети. Примечательнее всего венгерского народа Матисса Ракоши в окрестностях Будапешта была построена 13-километровая детская железная дорога. Ребята — полные хозяева этой дороги.

Особое внимание в странах народной демократии и Китайской Народной Республики уделяется детям дошкольного возраста. Использовав опыт Советского Союза, правительства этих стран создали широкую систему охраны здоровья детей. Из года в год растёт и ши-

Румыния. Воспитанники детского сада исполняют национальный танец.

рятся сеть детских садов, яслей и консультационных пунктов.

Во всех детских учреждениях, школах, в лагерях — всегда дети стран народной демократии и Китайской Народной Республики воспитываются в духе патриотизма и любви к родине, в духе дружбы между народами.

Польша. Детский ансамбль аккордеонистов одного из домов культуры.

Чехословакия. В распоряжение детей предоставлены парки, стадионы, площадки.

МАЛЬТУЗИАНСКИЕ БРЕДНИ

Для того чтобы определить, каков уровень жизни в той или иной стране, можно не читать статистических бюллетеней,—посмотрите в глаза детей этой страны. Они расскажут всё. Если растут военные расходы, если повышаются налоги, если отцы остаются без работы, — это значит, дети будут голодны и босы, это значит, детское величие будет постепенно гаснуть на глазах.

В глазах юного итальянца Луиджи Эспозито она началась давным-давно из года в год, голодает. И вот для того, чтобы спасти остальных своих детей, родители решают... продать маленьких, Луиджей.

Многие газеты обожгла эта фотография: на базаре города Беневенто, где два раза в год, по определенным дням, продают детей, сидят одетый в лохмотья малыши. Лицо его не по-детски сурово, брови сдвинуты. Видно, много плакал он перед тем, как его повели на рынок маленьких рабов. А теперь и слёз не остались.

Это судьба многих детей в Италии. Сколько сотен тысяч мальчиков и девочек, не успев научиться писать, идут на тяжёлые работы!

Семья, в которой живут эти тунисские дети, не имеет ни крова, ни средств существования.

У одних есть родители. Но отцы и матери не могут прокормить своих детей. Другие «дети улиц»: в стране одних только беспризорных... 300 тысяч.

Подобные факты можно привести по ряду стран. Из числа детей, посещающих начальные школы Испании, три четверти болны туберкулёзом... Японские газеты пишут о росте случаев самоубийства среди детей. Несколько миллионов подростков в США заняты на тяжёлых работах и трудятся по 11—12 часов в день, ходят в ночные смены...

Для того чтобы оправдать политику империалистов, идеологии реакции снова вытащили на свет человеческоизвратительную мальтузианскую «теорию».

Автором «теории» является английский поп Мальтус. Выступив в конце XVIII века со своим «Опытом о законе народонаселения», этот трубадур реакции заявил: в то время, как средства существования увеличиваются в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4, 5 и т. д.), рост народонаселения происходит в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8, 16 и т. д.). Образуется разрыв между членением населения и количеством производимых средств потребления. Этот разрыв можно устранить, по Мальтусу, только путём... ликвидации перенаселения.

Американский лексиконолог

Вильям Форт в своей книжке «Путь к спасению» заявил: «Половина человечества попала сейчас людской род, подождёт положение человека, вынужденного посыпать ботинки на два номера меньшие полагающихся. Мы должны понять это и перестать бранить нашу экономическую систему. Вот на чём настаивает Форт: «...перестать бранить нашу экономическую систему», смириться с захватническими войнами, насилием, грабежом народных масс. Не капитализм, мол,—враг человечества, а... дети».

Пытаясь «исторически» обосновать свои «выводы», Форт ссылается на примеры из древности, заявляет, что «греки понимали постоянную опасность перенаселения и... целеустремлённо рождались с ней путь поощрения... детоубийств и... колонизации».

Выходит, Форт очень удачный тем, что вынужден предвидеть, продолжают считать свою обязанностью сохранять жизнь как можно большему числу людей. Он уверяюще заявляет: «Они несут ответственность за продление жизни миллиардов извращенных людей». Форт сожалением констатирует, что «заболеваемость мальтийского значительно снижена», «cosa исчезает...», «количества желудочных заболеваний... резко упало».

К голосу англо-американских мальтузианцев присоединяется свой писк тито-фашистские писаки. «Мир угрожает голодом», — уверяют они. «Почему в Индии не хватает продовольствия? — задают себё вопрос Белградские пропагандисты и сами отвечают: «Население быстро растёт». И у нас-де тоже население растёт, и поэтому голод в Югославии тоже возможен...

Голод в Югославии не только возможен — он есть. По смертности эта страна занимает третье место в мире и стоит в одном ряду с колониями в Африке. Это признаёт сама титовская печать. И всё же югославские мальтузи-

На улицах Рио-де-Жанейро.

анцы находят возможным кричать о том, что много в Югославии... «клишней людей», отсюда и все беды. А тем временем из юго-славских портов уходят корабли с хлебом: Тито меняет хлеб на оружие...

Бескрайним современным мальтузианцам верят немногие. Нетрудно убедиться, что «водоёмы» и «агрессоры» — это самого попа Мальтуса, так и его последователей — античеловеческие фашистские.

Это было ясно давно. Но теперь это стало ещё яснее.

Он не может учиться в школе, потому что должен сам зарабатывать себе на хлеб.

Есть на земле Советская страна, где давно уже нет голода и безработных, где глаза детей сияются радостью. Здесь действует закон процветания, а не закон оскудения. Каждый факт из жизни нашей страны блестяще опровергает утверждения и «теории» буржуазных социологов, в том числе и мальтузианцев.

И такая страна не одна. Вместе с Советским Союзом в лагере мира и социализма — трудающиеся народ народной демократии.

Люди сумеют защитить своих детей. К преступству отцов и матерей присоединяют свои требования молодёжи. Миллионы юношей и девушек становятся на защиту своих пляжных братиков и сестричек. Дети — наше будущее, наша радость, наша надежда. Нам дорого смех ребёнка, нам дорого его движение, нам бесконечно дорого его жизнь. Сторонники мира не допустят того, чтобы над детскими колыбельками сгущались чёрные тучи военной грозы!

КРАСНЫЕ ДНИ, БЕЛЫЕ НОЧИ

ют несночаемую сказку летного леса.

Над ухом звенят, на глазах бронзовыми перьями метутся белые иконы волни, пельи и музы. Неумолим и затейливый говорок ручейных краснобой. Искристы и сверкает струйка синевы, японских птиц, вспоминающих снежные преддниес весны. Но пышная зелень уже гуляет нежные эфики.

«Би-чуку-чиу» — замечательная поливечная птица, красавица-пурпурные, цветут неизвестный самоназвание, якобы украинский, и подглядывающие из нарядов ярко-красных птиц. Необыкновенное пение воробьи. Ярко-красные головы, спина и брюхо, а крылья и хвост чёрные. Это «златый петушок» — икона-певица пения солнечного лета.

Самые большие красные дни, самые короткие белые ночи. Высокое солнце долело отчего, склоняется к югу, востоку, северо-западу. Летнее солнце, солнечное, приплюснутое, согревает солнечное лето. 22 июня открывает астрономическое лето.

Чудесна в природе севера эта пора — она же и пояса Пролетариата.

Собственно, такое лето средней полосы Подмосковья начинается обычно со второй декады июня, а с половины июля — яркое лето. Пропадают из лесу размытые вода и волны, исчезают из смуглы, под именем, проходят бури, бедолаживающие грушевину, поклоняясь, но пахнущими вишнями.

...Под солнцем цветут бархатные иначе ярко-желтые цветы яблони, а дальше мельчайшие трабаха впереди красуются алого-бледными подсолнечники, белые ромашки, ярко-желтые крестоцветные язвотки, желтые и синие мышиные горохи, багровые кипреи, красные и розовые горечавки.

Вместе с рожью зацветают вишины в полях, и еще бочче поспевают яблони и вишни.

Заревистый, лес! Настрачено ветром трепетный лист лесного тюльпана — бесцветной осине, осланчивая красной, золотой, зелёной, насыщенной пленкой.

Молодые осинки и ильи удивляют ветром в золотой осени: зарумянываются в красноватые каймами бантанской листвы, то ищет, то ищет.

Весной и осенью в один цвет красятся червония листва и ильи и ильи.

В знойный, душный-густой часе слышится таинственный шёпот мелодии зелёного шума, словно деревья вправдивым летом пересыпаются

затона. «Дремлют плавучие ивы, инико склоняются над водой...».

Фенологическая примета начала июня, когда плавучие ивы опадают, значит, не будет больше ночных заморозков.

В первом лесу словно золотые греческие орхидеи, пылают оголовьи — цветы белых кубышек — водных лилий. А рядом на склонах волнистых холмиков фиброзные цветы белых кувшинок. До чего же изумительно строго филигранный рисунок цветов белых кувшинок! Зато словно серебряные зелёные тарелками листья и чашками из яркобело фарфора.

Словеса воды при чаеч, ясные дни, белые облаков забыть кувшинок в солнце, утро — цветы красных белоногих русалочных цветов, как бы насквозь просвеченные солнцем. Лебединий цветок — лебединые листья не раскрылись, дремлет в бутоне.

Приглушило под вечер колыбелья нарядных линий в седых волосах лебединых и павлиньих, будто вальсируют русалки на зеркале чёрной воды.

Словно гуманец земли — червонные красноте лета — и наименее древнерусское название месяца — червень. Есть и одногодичные красные периниши, волнистые изыди, румянина, красный корень в девичьем румянище девчата в девичьем.

Изменяет без затмения луга, светлая зариц цветов. Благоухающая станица мадонн, порыв Луга — цветы природы.

Теплые порывы разгульного ветра напоют духи медовых цветов. Удачливые цветочки и цветы, цветы привычных ароматов и нарядная прелесть пышного окавана дремучих трав. Во всем своей великолепием цветущее русское первенство солнечного июня.

Дм. ЗУЕВ

СМЕНА

В номере:

Борис Мироусов, Сергей Васильев, Пионерская лагеря. Ольга Конюхова — Вожатый. Маргарита Азашина — В номере. Стасик. М. Чако — Прозаический клоч. Рассказ.

А. Сладкова — Пример мятежа и благородства. Юрий Мельников — Встреча. Стихи.

Лидия Степанова — На пади. Стихи. Капутиян — Обновка. Мария Басова — Стихи. Валентин Михаил Чертинский — Шура забыл Стихи.

Иван Гладков — Продром. Виталий Губарев — Павлик Морозов. Глава из повести. Аркадий Фотограф. Аркадий Володин — Кеснина. Рассказ.

Е. Весенин — Пока годен. Е. Федорин. В. Протасова — Юные мичманы. Игорь Коблев — За счастье дяди Смирнова — Здесь оживает сказка. Ал. Мусатова — Повесть о счастье в селе. В. Яхрома. Фоточеркни. Н. Волкова — Радостное детство.

Е. Егоров — Малыгинские бредни. Дм. Зуев — Заметки фенолога. Красные дни, белые ночи. Красовская

На первой странице обложки: Фото И. Шагина.

На четвертой странице обложки: Фото И. Шагина.

Оформление номера В. Урина.

КРОССВОРД

Составил В. Демидчик (Каррагандинская область)

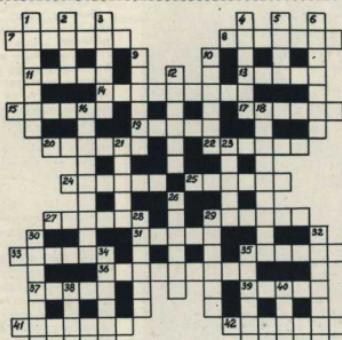
По вертикали:

- 1. Чехословацкий спортсмен. 2. Курорт в Крыму. 3. Спортивное общество. 4. Красивое слово, содержащее в поэтической температуре. 5. Столица Болгарии. 6. Красивая птица — 8. Сигнальный снаряд. 10. Химический элемент. 12. Твердая горная порода. 13. Бархатистая породы. 18. Материн. 21. Созвездие. 23. Газ. 26. Грунтовый элемент. 28. Водородный кислород. 29. Пралда. 30. Выдающийся деятель русского флота и океанографа. 31. Пушкин. 34. Музыкальный термин. 35. Планета. 40. Вид искусства.

По горизонтали:

- 7. Минерал. 8. Управление факультетом. 11. Веч-

нозелёное дерево. 13. Флористическое киме. 14. Советский педагог и писатель. 15. Физик. 16. Термин. 17. Знак препятствия. 19. Марка весы. 20. Музикальный произведение. 22. Выстроенный симметричным парод. 24. Маслинникова ядовитая жидкость. 25. Лебединой серебристо-белый ме-янтарь. 27. Пронзитель. 29. Синоним узаятелей. 31. Часть железонодорожного полотна. 33. Вид загадок. 34. Термин для альбома изображений. 36. Руководящее указание высшего органа. 37. Залив Охотского моря. 38. Установка для прокаливания или опалки труда и услуги. 41. Выдающийся русский путешественник, исследователь Центральной Азии. 42. Отдел сообщений в газете.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. 3-34-24.

Изд. № 409.

Редакторы: В. Ажаев, Г. Гулиа, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюхова, М. Луконин.

Подписано в печать 26/VI 1953 г. Заказ № 1267.

Цифрак 120 000 экз.

А 02813.

Формат бумаги 70×108.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

1945 № 1

Цена номера
2 руб.

